Бухарин Н.И.
К десятилетию Октябрьской революции.
Н.-Новгород.
1927

ИМЛ—Библиотека
ЕН121
К117₂

ЕН121
К117₂

Н. И. БУХАРИН

К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Н.-НОВГОРОД

Н. И. БУХАРИН

ЕН 121
К 1172

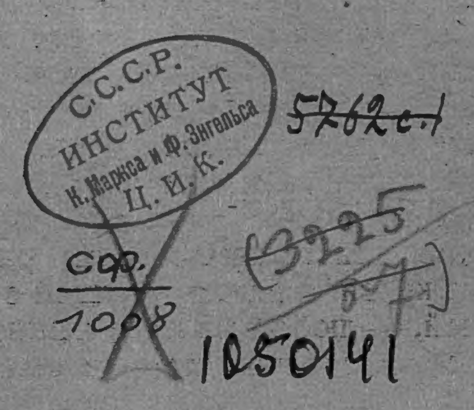
К ДЕСЯТИЛЕТИЮ ОКТЯБРЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

*

ИЗДАНИЕ
ГАЗЕТЫ НИЖЕГОРОДСКАЯ КОММУНА
1927

ОТПЕЧАТАНО
в типографии Нижполиграф,
Варварка, 32, в колич. 8000 экз.
Ниж. Гублит № 2520.
Зак. № 619.

EH121
K117₂

I. Международная революция и СССР.

Товарищи, я думаю, что не только в лагере наших друзей, но и в лагере наших врагов прекрасно понимают, что 10-летний юбилей Октябрьской революции представляет собой явление всемирной исторической важности.

Наши друзья с еще большей надеждой будут смотреть на Союз Советских Социалистических Республик, на железную диктатуру рабочего класса, 10 лет успешно борющуюся за социализм в бывшей императорской России. Наши враги, кто бы они ни были, — представители ли махрового империализма, деятели и работники реформистских интернационалов, социал-предательского лагеря, представители ли крупной буржуазии или крупного помещичьего землевладения, империалистско-милитаристского генералитета или фашистской мелкобуржуазной клики, идущей за крупной буржуазией, — любой из этих наших противников из любой страны, принадлежа-

щий к любой национальности или любой расе, вынужден будет признать всю огромность и всю значительность того исторического факта, что рабочий класс стоит у власти 10 лет.

История революций знала разные диктатуры. Она знала диктатуру английской буржуазии, диктатуру Кромвеля в Англии. Она знала революционную диктатуру якобинцев — мелкобуржуазной левой во время Великой французской революции, она знала несколько месяцев Парижской Коммуны, — она знает теперь десятилетие пролетарской диктатуры в бывшей царской России. Но, товарищи, прежние диктатуры различных слоев буржуазии имеют принципиально иное значение, чем диктатура пролетариата, ибо сама буржуазная революция имеет принципиально иное значение, чем революция социалистическая. Наша Октябрьская революция потому и будет стоять на рубеже всемирно-исторических эпох человечества, что она опрокинула навзничь и поставила на голову прежнюю социально-классовую пирамиду, поставила у власти самый угнетенный, самый эксплоатируемый и поэтому самый последовательно-революционный класс, который когда-либо знала история человечества, — пролетариат. И теперь, когда мы подходим к этому знаменательнейшему в человеческой истории юбилею, совершенно естественно, что и в среде рабочего класса, и в среде трудящихся всего мира, и в среде на-

шей партии имеется известная потребность, имеется желание проверить с точки зрения того исторического опыта, который мы получили, достижения, завоеванные рабочим классом и трудящимся крестьянством в процессе развертывания Октябрьской революции. Более того: в связи с трудным положением и с той полосой особых специфических новых затруднений, в которую сейчас вступает Союз Советских Социалистических Республик, в связи с теми частичными колебаниями, которые имеются в некоторых, правда, чрезвычайно незначительных, слоях рабочего класса и даже в некоторых, правда, еще более незначительных, звеньях нашей партии, — поднимаются и самые принципиальные вопросы нашей революции: куда мы пришли **вообще?** Куда мы идет **вообще?** Является ли то знамя, под которым мы идем, таким же ярким и таким же красным, каким оно было 10 лет назад, когда оно было обвеяно порохом октябрьских сражений, — или оно успело порозоветь и, быть может, даже в некоторых своих частях побелеть? Является ли государственная власть нашей страны, которая была создана в октябрьские дни великого 17 года, попрежнему железной диктатурой пролетарской когорты, или, быть может, эта государственная власть в результате незначительных, молекулярных, незаметных, маленьких процессиков превратилась в нечто другое, пре-

терпела изменение своей социальной базы, перестала или перестает быть диктатурой революционного пролетариата? Укрепляется ли наше хозяйство как хозяйство, становящееся все более и более социалистическим, или же, наоборот, не привели ли внутренние процессы перерождения наше государственное хозяйство к такому положению вещей, когда оно перестало даже в своем государственном секторе быть орудием победоносного рабочего класса и все больше и больше превращается в нечто такое, что находится в распоряжении бывших рабочих, переставших быть членами революционного класса, связавшихся большим количеством нитей с новыми буржуазными слоями, с новым служилым чиновничеством, как небо от земли далеким от нужд и забот того класса, который водрузил знамя своего господства в октябре? На все эти вопросы мы должны сейчас дать ответ, все эти вопросы требуют своего разрешения, и, пожалуй, не столько с той точки зрения, что необходимо убеждать основную толщу рабочего класса и его авангард — коммунистическую партию, а с несколько иной точки зрения, — с точки зрения необходимости убеждения новых слоев рабочего класса, новых поколений пролетариата, новых поколений трудового крестьянства, которые не знали и не видели старого режима, которые выросли уже на новых основах, которым менее понятна, чем

представителям старого поколения рабочих и трудящихся крестьян, глубочайшая разница между дооктябрьским периодом и периодом после Октября.

И вот, товарищи, я начну прежде всего с одной темы, которая за последнее время неоднократно дискуссировалась и в нашей печати, и в нашей литературе, и на наших открытых партийных и советских собраниях. 10-летие Октябрьской революции заставляет нас вспомнить, что Октябрьская революция была детищем мировой войны, и что знамя, под которым сражался наш пролетариат в октябрьские дни, было знаменем интернациональной революции. Поэтому первый вопрос, который надо поставить к десятилетию революции, это есть вопрос: оказалась ли права большевистская партия, когда она ставила свою ставку на международную революцию, оказался ли прав авангард нашего пролетариата, когда, после Февральской революции, он с величайшим напором, с величайшей энергией, с величайшей силой и с величайшим героизмом защищал знамя международной революции? Оказалась ли в самом деле эта ставка на международную революцию ставкой, которая выдержала историческое испытание? Мы отлично, товарищи, знаем, что наши противники, работающие внутри рабочего движения, на этот вопрос отвечают резко отрицательно. Если взять международ-

ную социал-демократию, то устами своих виднейших представителей она сформулировала ту точку зрения, что послевоенные революции, в первую очередь Октябрьская революция 17 года в России, представляли собой своеобразный продукт известного гнилостного распада капиталистического общества в результате войны, специфический продукт войны, и в значительной мере такой продукт войны, который в первую очередь должен быть характеризован как продукт более или менее российско-азиатского происхождения. Наша революция расценивалась этими идеологами II Интернационала не как пролетарская революция, а как революция солдатско-дезертирского типа, как солдатско-крестьянская революция. Пролетариат вступал в эту революцию, согласно этой оценки, лишь в силу своей заинтересованности в ликвидации войны, но отнюдь не как класс, осуществляющий и могущий осуществить социалистическую революцию, которая-де должна явиться не в результате распада, гниения и разложения, вызванных войной, а которая должна быть эволюционным «завершением» развивающегося, дееспособного, полного сил капитализма, который родит своих собственных «могильщиков» именно на базе своего полнокровия.

Но война прошла, и, как думают социал-реформисты, капитализм неимоверно вырос.

Он не только не гибнет, а гигантскими шагами идет вперед, создает новые, организационные формы. Возникают международные организации в роде Лиги Наций, начинается новый громадный цикл нового громадного расцвета капиталистического общества. Большевистская ставка на международную революцию оказалась детской утопией. Так, по существу дела, рассуждает международный социал-реформизм и его чисто-буржуазные продолжатели в роде российских сменовеховцев типа Устрялова. В одной из своих последних статей не безызвестный сменовеховец Устрялов, например, пишет: «Российский шквал замер у русских границ, а так как ставка на международную революцию обанкротилась, то, несомненно, в нашей стране будет иметь место процесс восстановления крепкого буржуазного государства, как бы ни называли его идеологи коммунистического движения, для очистки совести украшающие его старым идеологическим мусором. Я должен сказать, что и в нашей собственной среде часто бывает, что при обсуждении вопроса о международной революции товарищи спрашивают: «Когда она **будет?** когда она **придет?** когда наступит **этот день?»** Мне кажется, что и такая постановка вопроса, хотя в ней, самой по себе взятой, нет ничего предосудительного, неправильна. Мне кажется, что правильно нечто другое. Мне кажется, что правильно

сказать, что ставка нашей большевистской партии на международную революцию целиком себя оправдала, ибо международная революция не есть нечто, что будет, а есть нечто, что **происходит**, не есть нечто, только чаемое и ожидаемое, а есть сущее, не есть то, что придет через неизвестный срок, а есть то, что имеет уже место в действительности. Товарищи, я позволю себе прежде всего напомнить некоторые факты, характерные для истекшего периода, для истекшего десятилетия. Вот простой перечень некоторых фактов: февраль 1917 г. — буржуазно-демократическая революция в России; октябрь 1917 г. — пролетарская революция в России; январь — март 1918 г. — рабочая революция в Финляндии; ноябрь 1918 г. — революция в Германии и революция в Австрии; март 1919 г. — революция в Венгрии; апрель 1919 г. — советская власть в Баварии; январь 1920 г. — революция в Турции; сентябрь 1920 г. — революция в Италии с захватом фабрик и заводов в руки рабочих; март 1921 г. — так называемый мартовский «путч» в Германии; сентябрь 1923 г.—восстание в Болгарии; осень 1923 г.— полуреволюция германского пролетариата; декабрь 1924 г. — восстание в Эстонии; апрель 1925 г. — восстание в Марокко; август 1925 г. — восстание в Сирии; май 1926 г. — английская всеобщая стачка; 1927 г. — венское восстание; и, наконец, много лет тяну-

щаяся, теперь вошедшая в чрезвычайно острый фазис, китайская революция. Из этого простого перечня, начало которого датируется 1917 годом, а конец — венским восстанием 1927 года и китайской революцией, видно, что международная революция **происходит.** Нет победы международной революции в том смысле слова, что нет одновременной победы рабочего класса — с утверждением его диктатуры — в целом ряде стран. Это верно, но кто вам сказал или кто нам сказал, что так будет итти международная революция рабочего класса? Совершенно верно, что сейчас непосредственные восстания переносятся в колониальные страны, но колониальные революции, не являясь пролетарскими революциями, являются составной частью международного революционного процесса. Как же можно сказать, что нет международной революции, когда есть победоносная социалистическая революция в СССР и есть китайская революция, являющиеся составными частями международной революции. Ставить вопрос так, что международной революции нет, что она только будет, когда отдельные ее составные части имеются налицо, нельзя. Неправильность постановки вопроса заключается в том, что товарищи, рассуждающие так, неправильно представляют себе международную революцию. Есть целый ряд людей (в том числе и некоторых членов нашей партии), которые

представляют себе международную революцию в качестве какого-то, в известной степени, одновременного акта, происходящего сразу в ряде капиталистических стран в один прекрасный день. Нужно сказать, что это почти исключение, и совсем не так нужно представлять себе ход международной революции. Тов. Ленин еще во время войны, до того как мы вступили в феврале 1917 г. в активный революционный процесс, утверждал следующее. Нам всем нужно понять, что международная революция, свергающая капитализм, прежде всего есть длительный исторический процесс, что мы накануне **эпохи** международной революции, которая будет складываться из целого ряда революций пролетариата, колониальных восстаний, национальных войн, из комбинации всех факторов, расшатывающих капитализм. Международная революция есть **эпоха** революций, есть длительный **процесс.** И вот теперь, через 10 лет после того, как рабочий класс нашей страны захватил власть в свои руки, мы имеем возможность и время посмотреть на наше собственное историческое развитие и сравнить его с тем, что переживал мир в эпоху буржуазных революций, сравнить, поскольку эти две исторические эпохи можно сравнивать, и провести некоторую аналогию, поскольку эту аналогию можно проводить, сравнить с тем, что было на другом историческом переломе,

когда человечество от феодализма переходило к капитализму через буржуазные революции. Оглядываясь на буржуазные революции, мы увидим, что в XVII веке происходила буржуазная революция в Англии, в XVIII веке — буржуазная революция во Франции, в половине XIX века мы имеем целый ряд буржуазных революций на континенте Европы, и в XX веке имеет место буржузная революция в России. Как вы видите, великий процесс революционного перехода человеческого общества от господства феодализма к господству капитализма на разных континентах и материках занял изрядное количество **столетий.**

Само собой разумеется, с международной социалистической революцией будет много иначе, или, вернее, в значительной степени иначе, потому что сейчас связь между разными странами более тесная, более глубокая и более широкая, чем несколько столетий назад, и поэтому **рабочий класс свою революцию завершит по всему земному шару в несравненно более быстрый срок, чем это делала буржуазия.** Но все же из этого исторического сравнения, при соответствующих огромных поправках, мы должны сделать заключение, что процесс социалистической революции есть в высшей степени **длительный** процесс. Международная революция является не только процессом длительным, но и **разнородным,** так как она включает в себя разные

составные части: восстание рабочего класса против буржуазии в передовых странах, восстание рабочего класса, ведущего за собой огромные слои крестьянства, в более отсталых странах, как у нас, национально-освободительные войны, восстания многочисленных полуколониальных и колониальных народов, даже таких, у которых нет сколько-нибудь значительных пролетарских слоев, и т. д. и т. п. Ленин в одной из своих статей, которая называется «О карикатуре на марксизм и об империалистическом экономизме», писал:

«Социальная революция не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и **целый ряд** демократических и революционных, в том числе и национальных, освободительных движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях. Почему? Потому, что капитализм развивается **неравномерно».**

В тесной связи с этими двумя чертами находится третья, а именно, что международная революция — это такой процесс, части которого идут **разновременно.** Так например, пролетарская революция у нас произошла в октябре 1917 г., а германская революция — в 1918 г.; восстание в Индонезии — в 1926 г., а восстание в Эстонии — в 1924 г.; все это — части одного процесса, которые большей частью идут разновременно, хотя при некото-

рых условиях они могли бы слиться и получить одновременное течение; все это — частицы, отдельные куски международной революции, которая не является однократным актом и отдельные моменты которой развиваются **длительно, неравномерно и в разное время.**

Обращаясь еще раз к аналогии, мы считаем необходимым подчеркнуть то обстоятельство, что наиболее революционная страна во время периода буржуазных революций, почти так же, как наша страна в период начала социалистической революции, тоже была поставлена под удары всех остальных наиболее мощных, об'единившихся против нее, держав. Разница здесь лишь та, что против буржуазно-революционной Франции во главе помещичьих государств стояла тоже буржуазная страна, а именно — Англия, видевшая во Франции конкурентку (та самая Англия, которая идет сейчас во главе коалиции против нас). При этом борьба помещичьих государств, — во главе которых стояла тогда Англия, — против самого революционного буржуазного государства — Франции, эта вооруженная борьба в виде войны продолжалась (с некоторыми малыми перерывами) 22 года. Нужно вспомнить, что война Англии с Французской республикой, начавшаяся в 1793 году, продолжалась до 1816 года, при чем, примерно, чуть не четыре раза Англия сколачивала «единый

фронт» государств против революционной Франции. Второй раз Англия собрала коалицию (Австрия, Турция, Россия, Неаполитанское королевство) в 1798 году, третий раз — в 1803 году; это была коалиция из Англии, России, Австрии и Швеции. В 1813 году она собрала коалицию из Англии, Пруссии, России и Австрии, в результате чего через некоторое время получилось поражение наполеоновской армии, обусловившее и соответствующие перемены в государственном устройстве Франции.

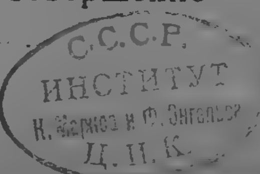
Я напомнил эти исторические примеры, чтобы облегчить понимание тех чрезвычайно трудных условий, в которых рождается новый социальный порядок, чтобы дать понятие об огромных исторических перспективах международной революции. Несомненно, рано или поздно будет большая война империалистических государств против нас или против коалиции пролетарских государств, и вся «музыка» не успокоится до тех пор, пока рабочий класс не станет у власти во всем мире.

Следовательно, к элементам борьбы за международную революцию, перечисленным в цитате, которую я приводил из статьи Ленина, нужно еще присоединить войну социалистических отечеств, подвергшихся нападению со стороны империалистических государств. Это есть тоже составная часть великого процесса передела мира. Но при всей раз-

новременности, разрозненности и пестроте процессов международной социалистической революции это вместе с тем есть единый процесс, ибо он выражает собою кризис капиталистического общества, его распад и революционную переделку мира. С этой точки зрения мы и говорим о международной социалистической революции.

Я останавливался на этом вопросе так долго потому, что неправильная постановка вопроса о международной революции имеет очень большое практическое значение, ибо она отражается на самочувствии, воле и мышлении отдельных частей рабочего класса и некоторой части нашей партии. Существует взгляд, что в 1917 году мы-де все кричали о международной революции, держали ставку на нее, а теперь она исчезла, ушла со сцены, ее нет, и она только когда-то придет. Мы-де говорили, что капитализм вступил в цикл огромных потрясений, и вдруг это ожидаемое коммунистическое «преображение» общества удалилось настолько далеко, что совершенно не видно, куда оно делось и чем его заменить.

Поэтому понятно, что если мы на этот вопрос даем другой ответ, а именно, что революционное преображение капиталистического мира есть факт не чаемый, а происходящий сейчас, что международная революция еще не одержала решающей победы, но она существует и развивается, — то совершенно

естественно, что отсюда вытекают и другая установка и другое самочувствие, другое напряжение воли, другое ощущение борьбы, другое самочувствие рабочего класса и тех рядов, которые стоят под коммунистическим знаменем.

Если мы поставим вопрос: что же мы сейчас переживаем, каково в общих чертах теперешнее положение международной революции, каково положение теперешнего капитализма, то ответ будет таков, что **кризис мирового капитализма сейчас развивается по-другому, чем несколько лет назад.** Раньше силы, сокрушающие его, были сконцентрированы в Западной Европе, теперь же в Западной Европе налицо известная стабилизация капитализма, характеризуемая прежде всего некоторым укреплением **технического** базиса капитализма. Например, Германия ставит теперь рекордные цифры в техническом отношении, и это отрицать было бы глупо, как бы революционными ни хотели казаться товарищи, поступившие так, ибо это есть реальный факт: и в области электротехнической индустрии, и в области химической, и в области металлической, и в области горной Германия ставит рекордные цифры по сравнению со своим хозяйственным прошлым. В области применения новых моторов то же самое; в области рационализации — то же самое. Все это — несомненные факты.

Но в то же время, если в капиталистической Европе капитализм по этой линии поднялся на целый ряд ступеней выше, то капиталистический кризис, который вытекает из мировой войны и связан с нею, проявляется преимущественно в **других** формах.

Китайская революция с ее огромным размахом, с колоссальными массами, которые она за собой подымает, с огромным ее удельным весом, — это есть не что иное, как выражение кризиса капиталистической системы, но «с другого конца». Углубление революции в Китае есть проявление капиталистического кризиса. Успешное развитие строительства социализма у нас (о чем я буду говорить позже) есть тоже проявление мирового капиталистического кризиса, ибо никогда капитализм не сможет быть таким здоровым, каким был до войны, уже по одному тому, что существует СССР, который является клином, вбитым в тело буржуазного мирового хозяйства.

Следовательно, с одной стороны, кризис капитализма сейчас острее чувствуется в **колониальной** периферии, в частности, в восточно-азиатской. С другой стороны, успешное **строительство социализма в СССР** является глубочайшим революционным фактом. Наконец, с третьей стороны, этот кризис капиталистического общества проявляется **в особо острых противоречиях внутри стабилизирую-**

щегося капитализма, ибо стабилизация капитализма Западной Европы происходит в рамках обострения тех затруднений, которые получились в результате войны; стабилизация происходит в обсатновке нажима буржуазии на рабочий класс, большой перманентной безработицы, обострения классовых противоречий.

Вы, товарищи, отлично знаете, что в последнее время в рабочем классе Западной Европы намечается совершенно несомненный процесс полевения, являющийся в известном смысле реакцией на наступление капитала. Очень характерным примером в этой области является реакция на бесчеловечную казнь Сакко и Ванцетти, выразившаяся в повсеместных грандиозных демонстрациях в пользу Сакко и Ванцетти, в уличных схватках во время демонстрации в Париже во время приема американских легионеров. По этой же линии идет значительное полевение германского рабочего класса, которое, в частности, проявляется на последних муниципальных выборах, восстание рабочих в Вене, возникшее вопреки желаниям руководителей социал-демократической партии, в состав которой входит большинство принимавших участие в восстании рабочих, — все это свидетельствует о росте революционных настроений в рабочем классе в обстановке развивающихся социальных противоречий капиталистической стабилизации.

И если теперь в нашей среде есть некоторые товарищи, которые характеризуют основные процессы в рабочем движении как процессы «свертывания» революционного движения и развертывания сил буржуазии, то это есть глубоко пессимистическая оценка, совершенно не соответствующая действительности. Ибо сейчас явно начался процесс развертывания рабочего движения, процесс возрастающего отпора его капиталистическому наступлению, что является следствием внутренних противоречий капиталистической стабилизации.

Наконец, критическому состоянию всего капиталистического режима способствует осложнение отношений между империалистскими державами и величайший антогонизм и обострение противоречий между империалистскими державами и СССР.

И когда теперь, спустя 10 лет после завоевания власти рабочим классом, мы спрашиваем себя о том, что мы имеем в области международного революционного движения, когда мы спрашиваем о том балансе, который нужно подвести по этой линии, то можем ли мы сказать, что здесь налицо ухудшение этого баланса с точки зрения революции и его улучшение с точки зрения реакции? Ни в коей мере. Посмотрите, что писал Владимир Ильич в «Письме к товарищам», написанном перед Октябрьским переворотом, когда Ильичу при-

ходилось ссылаться для доказательства, что международная революция идет и ее нужно поддержать, на одно восстание немецких матросов и на существование Карла Либкнехта. А сейчас одна китайская революция — есть фактор колоссальной важности. Мы стоим на ногах прочнейшим образом, мы имеем Коммунистический Интернационал с массовыми партиями, мы имеем наших сторонников повсеместно.

Разве это можно сравнить с тем, что мы имели в 1917 г.? Нечего хныкать! Силы наши возросли во много раз и с точки зрения сил материальных, и с точки зрения числа сторонников, и с точки зрения колоссального опыта, который мы приобрели, и с точки зрения организации тех сил, которые придется привести в движение в случае столкновения СССР с империалистическими государствами.

Вот почему мы с глубочайшим убеждением можем сказать, что неправильно говорить о свертывании рабочего движения и за последнее время. Мы можем сказать с глубочайшим убеждением, что в случае войны против СССР мы будем иметь, — я не сказал бы, немедленные восстания рабочего класса во всех странах, потому что такие ожидания были бы ошибочны, — но настолько быстрый рост революционных настроений, настолько быструю мобилизацию сил рабочего класса против буржуазии, что через некоторое время ряд

буржуазных государств будет расшиблен вдребезги, ибо война против Советского Союза будет ставить все вопросы с такой резкостью, будет производить диференциацию среди населения по этому вопросу с такой жестокой неумолимостью, будет требовать от каждого человека, и особенно рабочего, такого прямого самоопределения, что это неизбежно породит укрепление и оформление всего революционного, что имеется сейчас в «пороховых погребах» европейского капитализма. И поэтому можно с определенной уверенностью считать, что перспективы и последствия встряски, вызванной будущей войной, были бы неизбежно гораздо большие, чем последствия мировой войны 1914—18 г.г.

II. Строительство социализма в нашей стране и капиталистический мир.

Я, товарищи, перехожу сейчас к другой теме, связанной с первой. Наша революция имеет сейчас многих союзников в лице рабочих отрядов международного пролетариата, но она еще не имеет ни одного победившего союзника, почему перед нами остро стоит вопрос о **соотношениях между нами и капиталистическим миром,** между строительством социализма в нашей стране и развитием капитализма вне наших стран. Некоторые товарищи склоняются к той точке зрения, что

международная революция есть почти-что однократный акт, и потому они почти готовы даже историю обвинять в «национальной ограниченности» (смех), ибо эта история привела к победе социализма в одной стране, а не в нескольких сразу. Но все же бесспорен факт, что диктатура рабочего класса имеется в **одной** стране, что эта диктатура строит социализм, и что эта диктатура поставлена перед определенной задачей находиться в тех или иных отношениях с капиталистическим миром.

Если бы на самом деле произошла одновременная победа рабочего класса в странах, около нас лежащих, — в Германии, в Австрии, в Польше и в других странах, — то в этой обстановке социалистического, а не капиталистического окружения, мы держались бы курса, который во главу угла ставит не нашу самостоятельность по отношению к этому окружению, а наоборот, самую большую связь с ним; мы должны были бы заботиться не о том, чтобы в нашей стране крепко стоять на **всех** хозяйственных ногах одновременно, т.-е. производить по возможности все необходимое для нашей страны, а мы стали бы вести такую хозяйственную политику, чтобы наилучшим способом использовать особенности наших природных и социально-экономических условий. Мы могли бы целого ряда продуктов совершенно не производить у себя,

получая их от наших социалистических соседей, и в то же самое время производить в огромном излишке такие продукты, которые у нас наилучшим образом произрастают, производятся, переправляя эти излишки в другие социалистические страны.

Мы должны были бы ориентироваться на международное разделение труда, а самих себя рассматривать не как силу, враждебную этому окружению, а как небольшую частицу крупного хозяйственного социалистического целого.

Но на самом деле этого социалистического окружения нет. И поэтому нашей задачей является, с политической точки зрения, борьба с капиталистическим окружением. И поэтому нашей задачей, с экономической точки зрения, не может являться формула—курс на наибольшие связи с мировым рынком», как полагают некоторые, а нашей задачей является **курс на наиболее выгодные с точки зрения роста независимости и хозяйственной мощи нашего Союза связи.** Если я говорю: «курс на **наибольшие** связи с мировым рынком», то что я должен сделать в первую очередь? Я должен уничтожить монополию внешней торговли, потому что монополия внешней торговли есть барьер, который стоит между нами и капиталистическим окружением, который мешает проникновению более дешевых заграничных товаров, конкурирую-

щих с нашей продукцией. И мы ставим совершенно сознательно этот барьер, потому что мы не хотим быть зажатыми в тиски и с'еденными капиталистическим окружением; мы не хотим быть поглощенными нашими смертельными капиталистическими врагами. Для этого нам нужен барьер — монополия внешней торговли, **от которой мы никоим образом отступить не можем,** и поэтому же мы никак не можем выставить лозунга: «будем такими интернациональными, — извольте видеть,—чтобы иметь максимум связей с заграницей». Это—близорукая политика, хотя она и проповедуется авторами политики «дальнего прицела», ибо совершенно понятно, что здесь происходит очень неправильное смешение двух вещей. И на том основании, что мы не стоим на точке зрения максимально широких, без всяких оговорок, связей с интернациональным **капитализмом,** нас хотят обвинить в «национальной ограниченности». Извините, мы «страдаем» в данном случае интернациональной революционностью, которая вменяет нам в обязанность не допускать интернациональную буржуазию к нашему «пирогу» так близко, чтобы она откусила слишком жирный кусок, а, может быть и совершенно проглотила нас. Это есть как раз наша интернациональная обязанность. И, наоборот, люди, которые пищут на своем знамени: максимум хозяйственных связей с ка-

питалистическим миром без оговорок, должны в первую очередь,—если они хоть сколько бы то ни было логически продумывают то, что они говорят,—в первую очередь снять барьер монополии внешней торговли, каковое намерение они без всяких оснований осмеливаются приписывать нам.

Вот каково настоящее положение вещей. Поэтому, повторяю, курс, который проверен опытом, который вытекает из всей нашей практики монополии внешней торговли и который проверен развитием наших торговых оборотов с заграничным капиталистическим миром,—это есть курс на максимум, т.-е. на наибольшие хозяйственные связи, но не наибольшие хозяйственные связи вообще, **а на максимум выгодных с точки зрения роста независимости и мощи нашего хозяйственного целого связей.**

Я, товарищи, должен вам сказать, что мы в этой области можем научиться кое-чему и от самой буржуазии. Имейте в виду, что лозунг максимума хозяйственных связей, лозунг свободной торговли между странами, без всяких преград, без всяких загородок, без монополии внешней торговли, когда страна со страной торгует совершенно свободно, как купец с купцом, без всяких таможенных пошлин,—выдвинула в свое время Англия. Одна страна была на свете, которая в течение долгого времени проповедывала

принцип свободной торговли в международном об'еме,—это была могущественная Англия. Она теперь уже не проповедует этого принципа, но в XIX столетии она проповедывала этот принцип. Почему? Да потому, что она была сильнее всех других стран. Никто не мог устоять в конкуренции против нее: у нее была наилучшая техника, у нее были наиболее дешевые товары, ей нечего и некого было бояться. Она выходила, как огромный бульдог против мелких шавок, и говорила: «я провозглашаю свободную конкуренцию между мною и вами». Но характерно то, что развитие международной торговли привело к тому, что две страны, которые потом заняли перворазрядные места на международном рынке,—Соединенные Штаты Сев. Америки и Германия, — вступили на международный рынок с лозунгом таможенных заграждений, и обе эти страны выдвинули первых теоретиков таможенной политики. Соединенные Штаты Северной Америки выдвинули известного экономиста — Кери, Германия выдвинула известного автора целого ряда классических «работ» относительно протекционизма—Листа. А дальше Америка и Германия все больше повышали свои таможенные тарифы, а в конце концов и Англия, которая потеряла свое первостепенное значение, на рынке, тоже ввела так называемые «покровительственные» тарифы.

Таким образом, молодые подымающиеся капиталистические страны, защищаясь от Англии таможенными стенами, несмотря на то, что все эти конкурирующие государства суть государства одного и того же класса, только разных наций, а ведь у нас—пролетарское государство, которое растет и крепнет на слабенькой основе того, что осталось нам от царской власти и буржуазии. Так разве мы можем не ограждать себя еще более серьезно и разве не должны мы относиться к вопросу о нашей хозяйственной независимости с еще большей щепетильностью? Другое дело, если бы, скажем, произошла социалистическая революция в Соединенных Штатах. Тогда, пожалуй, мы совершенно могли бы обойтись без монополии внешней торговли, потому что ни один капиталист любой нации не мог бы нас тогда с'есть; ибо тогда был бы совсем другой переплет отношений. Если социалистическая революция охватит страны с первоклассной техникой, с низкой себестоимостью производства, то тогда конкуренция оставшихся капиталистических стран не была бы страшна. А когда у нас себестоимость производства гораздо выше, чем в капиталистических странах, то мы должны сказать: «Да, в капиталистических странах производят продукт дешевле, но я должен подводить базу под свое собственное хозяйство и свое собственное хозяйство строить таким обра-

зом, чтобы становиться, с одной стороны, все более и более независимым от капиталистических противников, а с другой стороны,—в этих пределах максимально их использовать».

Мы прошли за десятилетие целый ряд полос в наших отношениях с капиталистическим окружением. Мы пережили полосу интервенции, мы пережили полосу признаний. Теперь, вероятно, полоса разрывов с перспективой войны против нас. Интересно вспомнить, как смотрел Владимир Ильич на вопрос о нашем капиталистическом окружении. В XV томе, в брошюре «Об очередных задачах советской власти» (относящейся, как известно, к 1918 г.) Владимир Ильич писал:

> ...«**Вся** возможность социалистического строительства зависит от того, сумеем ли мы в течение известного переходного времени выплатой **некоторой дани** иностранному капиталу защитить свою внутреннюю экономическую самостоятельность».

Вы видите, как он резко ставил здесь вопрос. Напоминаю вам, что во время генуэзской конференции советское правительство готово было итти на чрезвычайно крупные уступки для того, чтобы выиграть время и откупиться путем выплаты определенной **«дани».** Но я должен тут же сказать, что так, как стоял вопрос в то время, когда Владимир Ильич писал свою брошюру «Об очередных задачах советской власти», и так, как стоял

вопрос во время генуэзской конференции,— вопрос уже теперь не стоит, и мы должны совершенно твердо сказать перед всем миром, **что ни о каких уступках того размера, на которые мы готовы были итти во время генуэзской конференции, мы не пойдем теперь** по той простой причине, что мы теперь совсем **не так слабы,** как были слабы во время генуэзской конференции, чем мы теперь **гораздо сильнее,** чем во время генуэзской конференции. Мы должны маневрировать и в вопросах о долгах и концессиях, и в вопросах, касающихся различных экономических договоров и торговых соглашений. Мы можем, должны и будем использовать все противоречия между капиталистическими противниками. Мы должны и будем пробовать оттянуть нападение, готовящееся на нас, и должны постараться, хотя бы на время, использовать те обострения, которые ныне существуют между капиталистическими государствами. Но если маневры с нашей стороны возможны, необходимы будут, то эти маневры будут на другой основе, чем в период генуэзской конференции, эти маневры будут проделываться с учетом нашей выросшей силы, выросшей крепости. Я тут, в скобках, должен сделать одно замечание, которое необходимо сделать в связи с различными аргументами против нашей политики, в связи с возражениями против той политики, кото-

рую ЦК нашей партии и советское правительство ведет, и в связи с злостными сплетнями, которые на этот счет существуют. В ответ на аргумент, который гласит, что нельзя вообще ничего платить, мы должны отвечать, что это есть сущий вздор. Никогда мы на такой точке зрения не стояли и мы говорим, что мы можем платить, **если нам выгодно платить.** Вопрос заключается в том, **сколько** платить, **кому** платить и **за что** платить. Аргумент второй говорит: почему вы не донесли рабочему классу, хозяину положения, на массовых собраниях о том, сколько вы хотите платить. На этот аргумент мы можем ответить, что такое предложение может исходить только от людей двух категорий: либо от круглых дураков, либо от шарлатанов, потому что, если мы заранее об'явим, что мы готовы платить одним столько, а другим готовы платить столько, а третьим можем платить столько-то, то мы поступим в высшей степени безответственно. Если бы в военном деле, для того, чтобы у нас не было «тайн» перед пролетариатом, мы разложили бы (на открытых собраниях и пр.) карты и сказали бы: «Вот, товарищи, у нас столько-то винтовок, столько-то фугасов, а в случае такой-то войны, наш план такой-то, а в случае другой—вот этакий,—будьте любезны нас проконтролировать, потому что мы пролетарские демократы»,—тогда рабочий наверняка

нам скажет: «Демократ ты большой, но глуп ты, как сивый мерин». (Аплодисменты). И он будет абсолютно прав, ибо вся эта маневренная политика предполагает очень сложную игру, где комбинации разных государств могут меняться много раз на протяжении иногда одной недели, где надо действовать с соблюдением известной конспирации и т. д. Вот—главное, что я считал необходимым сказать относительно нашей внешней политики и наших соотношений с капиталистическими державами.

III. Строительство социализма в нашей стране и возможности его победы.

10 лет назад перед октябрьским восстанием, которое вела и организовывала наша партия, в рядах партии были известные колебания по вопросу о том—поднимать ли восстание или нет, достаточно ли назрела международная революция, чтобы мы первые, одни, подняли знамя пролетарской революции? Ряд товарищей считал, что рано подымать восстание именно потому, что не назрела еще международная революция, потому, что наша страна не передовая, а мелкокрестьянская, потому что партия наша недостаточно подготовлена, потому что рабочие недостаточно энергично и храбро пойдут в этот рискованный бой. Целый ряд ответственнейших руководителей

нашей партии колебался в этот критический момент, и эти колебания были **с их точки зрения** чрезвычайно обоснованными. Они выставляли тогда свои возражения против курса на восстание, и не кто иной, как тов. Ленин, подробно, шаг за шагом, разбирал каждое из возражений и устроил этим товарищам, если так можно выразиться, горячую идеологическую баню. В своем «Письме к товарищам» он разбирал целый ряд доводов, выставленных колеблющимися товарищами, в том числе довод, который буквально гласил следующее (я буду цитировать эту мысль, потому что она в иной форме повторяется и теперь).

«В международном положении нет, собственно, ничего обязывающего нас выступать немедленно, мы скорее повредим делу социалистической революции на Западе, если дадим себя расстрелять» [1]). Другими словами в переводе на более простой язык, это означало, что международная революция **еще не созрела**, что мы будем в значительной мере **одиноки в отсталой стране**,—где же нам, дуракам, «чай» социалистической революции пить. На это тов. Ленин в своем «Письме к товарищам» так изображал позицию колебавшихся: «Докажем свое благоразумие. Примем резолюцию сочувствия **немецким повстанцам**

---

1) Ленин т. XIV II, стр. 278.

и отвергнем **восстание** в России. Это будет настоящим благоразумным **интернационализмом.** И как быстро процветет международный интернационализм, если **повсюду** восторжествует такая мудрая политика»[1]). Другими словами, колеблющимся товарищам, заявлявшим: «Что же мы одни, национально-ограниченные, пойдем в бой за пролетарскую революцию в стране, где есть море отсталых крестьянских хозяйств». Ленин отвечал: «Да, вы «хорошие интернационалисты», вы готовы подписать какую-угодно резолюцию в пользу международного пролетариата, лишь бы у себя дома под предлогом национальной ограниченности не делать революционного восстания против буржуазии».

Вот этот спор, где колебавшиеся выступали «большими интернационалистами» и были против восстания, а ЦК нашей партии во главе с Лениным был якобы менее интернационалистским, он призывал к тому, чтобы **одним** подымать восстание,—это очень любопытный урок в истории нашего рабочего движения и нашей коммунистической партии.

У колебавшихся товарищей кроме довода, что международная революция не назрела, был еще целый ряд других доводов. Они говорили между прочим, что у нас условия сложились неблагоприятно для нас, что в рабо-

---

[1]) Ленин т. XIV II, стр. 279.

чем классе нет достаточного под'ема, что слишком много крестьянства в стране, что наша страна отсталая. Когда целая группа товарищей уходила из Совета Народных Комиссаров первого созыва, они, подавая в отставку, говорили: если не сделаете по-нашему, если коммунистическая партия одна возьмет власть в свои руки, то неизбежно создастся совершенно нестерпимый террористический режим, в результате которого будет гибель нашей революции.

Если мы посмотрим в корень вещей и спросим себя, в чем дело, что внушило товарищам целый ряд мрачных мыслей о ходе революции, о ходе восстания и его дальнейшей судьбе, то увидим, что в основе этого лежало величайшее сомнение, что в такой отсталой мелкокрестьянской стране, как наша, в таких условиях, когда революции надо выступать в значительной мере одной, изолированной,—трудно надеяться и думать, что в этой стране можно победоносно строить социализм, можно удержаться и довести победу до конца. Нужно сказать, что такого рода взгляды, будто в такой отсталой стране, как наша, нет об'ективных предпосылок для строительства социализма, имели прочную традицию в нашем социалистическом движении. Социализм есть прежде всего плановое хозяйство, а как будешь его вести, когда имеется 20 миллионов крестьянских дворов?

Социализм предполагает господство пролетариата, а как быть, если пролетариат составляет небольшое, ничтожное, сравнительно с крестьянством, меньшинство населения? Как можно строить социализм, если крестьянство, после того, как получит землю, пойдет, пожалуй, против рабочего класса, потому что главное сделано—землю получили? Сможет ли рабочий класс после того, как крестьянин уже разделит помещичью землю, повести его за собой? Пожалуй, не сможет.

Вот цепь рассуждений, которые имели очень прочный корень в меньшевистском крыле социалистического движения нашей страны, разделялись всем российским меньшевизмом, разделялись, как видите, и некоторыми коммунистами, начиная с Февральской вплоть до Октябрьской революции, защищались даже позже.

Главное, что внушало ряду товарищей сомнение в октябрьские дни и с чем нужно было считаться (потому что эти аргументы и доводы были довольно серьезны), был тот довод, что наша страна слишком отсталая. Вот если бы, говорили они, в пристяжке с другими странами пойти на пролетарский переворот, то-есть если бы революция вспыхнула в трех—четырех крупнейших странах одновременно, то, пожалуй, так и быть, можно было бы в общей упряжке, не «коренником», а «пристяжной», проскочить к проле-

тарской революции. Но заставить итти к социализму одну страну,—тут не удержаться, тут революция даст осечку. Пожалуй, можно захватить власть, но удержать ее будет трудно, а если даже удержишь, то начнешь сдавать одну позицию за другой. Сегодня ты представитель рабочего класса, а через неделю посмотришься в зеркало и увидишь себя настоящим буржуем, потому что сил нехватит, потому что ты должен будешь делать одну уступку за другой, будешь с'езжать на другой социально-классовый базис.

Вот какого рода сомнения были у товарищей, которые колебались в октябрьские дни. Ленин смотрел на это дело совершенно ясно. Ленин, интернациональный революционер с головы до ног, на этот счет имел абсолютно ясное мнение. Но из споров и дискуссий, которые мы имели за последнее время, которые были напечатаны и не составляют никакого секрета, вы отлично знаете, что ряд товарищей из оппозиции выступает против возможности победы социализма, доказывая, что это не ленинская теория. Некоторые товарищи написали даже целые книжки на тему о том, что социализм в нашей стране строить можно, а достроить его нельзя, что победить в нашей стране можно, а до конца победить нельзя. (Смех). Эти товарищи обнаружили чрезвычайно большую изворотливость ума, доказывая, что можно безгранично строить,

а достроить нельзя. У Ленина есть одна цитата, которая нигде не приводилась и которую я вам сейчас приведу. В 1918 году, когда время было очень трудное, мы находились тогда в состоянии разорения, Ленину приходилось преодолевать целый ряд предрассудков в нашей собственной партии (ряд которых, между прочим, разделял и я, делая крупные ошибки). Ленин, как всегда, очень правильно и метко схватил сущность момента. Всю линию он изложил в словах, необычайно простых, кратких, всякому рабочему и крестьянину понятных. В 1918 году в своей брошюре «Об очередных задачах советской власти» Владимир Ильич писал:

«Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде... практическое проведение в жизнь этих лозунгов **советской** властью, **ее** методами, на основании **ее** законов, является необходимым **и достаточным для окончательной победы социализма»** [1]). Он говорил не вообще о победе социализма, а об **окончательной** победе, и видел условия этой окончательной победы социализма в том, чтобы мы хорошо вели свое социалистическое хозяйство, свою промышленность, свою кооперацию, улучша-

[1]) Ленин, том XV, стр. 183 (Курсив наш).

ли внутреннюю организацию страны. Ленин говорил, что мы все, как члены единого рабочего класса, и трудящееся крестьянство, которое мы за собой ведем, должны выполнять такие **элементарные,** простые заповеди, над которыми мы раньше смеялись, потому что они служили делу капитализма, но которые теперь должны стать нашими заповедями: «веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде». И **Ленин,** этот великий революционер и интернационалист, утверждал, что, если мы эти директивы будем выполнять, мы сможем **дойти до окончательной** победы социализма в нашей стране.

Если теперь некоторые из товарищей, в значительной мере те самые, которые колебались брать власть в октябре 1917 года, в новых условиях говорят нам, что победа социализма в одной стране, это — национальная ограниченность, измена ленинизму, что никогда Ленин этого не говорил, то все их утверждения совсем **не соответствуют** тому, что действительно говорил живой Ленин. Неуверенность, сомнения, скептицизм и шатания по этому вопросу сейчас родственны с теми колебаниями, шатаниями, сомнениями и скептицизмом, которые были характерны для ряда крупнейших работников нашей партии в великие октябрьские дни 1917 года.

На протяжении всей истории нашей революции от октябрьских дней и по сие время мы неоднократно слышали пророчества по адресу советской власти со стороны наших открытых противников. До октябрьского переворота они утверждали, что мы не посмеем взять власть. Если не ошибаюсь, Виктор Чернов, представитель социалистов-революционеров, выставил тогда тезис, что большевики не посмеют взять власть, а Ленин в ответ заявил открыто, что наша партия готова **одна** взять власть **против всех.** После этого, как мы власть взяли, **вторым** этапом было положение, которое чрезвычайно ярко защищалось представителем открыто контрреволюционной буржуазной партии, партии кадетов, Милюковым, который говорил: «две недели большевистской власти — и все будет кончено». Вокруг этого лозунга об'единились решительно все наши противники: меньшевики, эсеры, кадеты и монархисты. Однако исторический опыт показал, что большевистская партия и рабочий класс эту власть удержать смогли. История доказала, что рабочий класс может свою пролетарскую власть не только удержать, но и, отбив нападение врага, укрепить.

После победы над иностранной и российской контрреволюцией, после ликвидации фронтов и окончания гражданской войны мы были поставлены перед задачами новыми,

перед крупными задачами хозяйственного строительства. И вот тут начался **третий** вал аргументов, пророчеств, кликушеств, криков и хныканий, а со стороны наших врагов радости уже на другую тему. Сначала говорили, что мы не пойдем на взятие власти, потом говорили, что мы эту власть не удержим, затем заявляли, что мы обязательно погибнем в военных сражениях. Теперь стали говорить, что мы не справимся с хозяйством, что у нас хозяйство будет падать, что оно обязательно будет разлагаться. Нужно сказать, что действительность, которая получилась в результате невероятно тяжелой гражданской войны, после войны империалистической, что она была поистине ужасной, если взять ее с точки зрения бытовой. Эти времена голода, холода, тифа, смертей, ужасных мучений,—они у нас все стоят в памяти. Мы знаем, какое героическое напряжение сил рабочего класса требовалось, чтобы выйти из этого периода. Каждый из нас, из работников нашей партии, помнит то время, когда на митингах на фабрике или на заводе развиваешь, бывало, всю аргументацию и вкладываешь всю революционную страсть, чтобы убедить протерпеть, продержаться и проч. Необычайно трудно было говорить, когда слушающая тебя работница, чуть ли не падающая в обморок от истощения, показывает кружечку с той баландой, которой тогда питались огромные

слои рабочего класса. Мы все отлично помним это чрезвычайно тяжелое время. Но, товарищи, после 1921 г., пройдя через ряд тяжелейших этапов, мы стали выходить из положения хозяйственной разрухи. Мы пали в хозяйственном отношении чрезвычайно низко. Ни одна страна в мире не падала за последнее 10-летие так глубоко на дно хозяйственного разорения, как наша республика в результате империалистической и гражданской войны.

К 1920 г. экономически дело обстояло у нас так, что промышленность по своей валовой продукции упала, примерно, в 5 раз против 1917 г., а ведь и 1917 г. вовсе не был блестящим. По углю с 1917 года производство пало с 31 млн. тонн до 8, по нефти — с 8.718 до 3.833, по чугуну и прокатке металла мы к 1920 году вообще почти ничего не производили, хотя производство чугуна и металла есть основа промышленности. К 1920 г. мы производили настолько мизерное количество нового чугуна, что оно обычно не включалось в наши статистические расчеты. У нас оставались старые запасы, но новый чугун не выплавлялся. По хлопчатобумажной пряжи мы с 8,2 млн. пуд. пали к 1920 г. до 0,8 млн. пуд. По ткани, если сравнивать с цифрой 1913 г., уменьшение почти в 30 раз: с 2.900 млн. метров до 110 млн., что

составляет по сравнению с 1917 г. уменьшение ровно в 10 раз. Если мы возьмем выработку одного рабочего, то она тоже чрезвычайно сократилась. Число рабочих упало больше чем вдвое: **почти с 3 млн.** до 1.340.000. Зарплата, несмотря на социалистическую диктатуру, в силу голода и всего прочего, с 25 руб. в среднем в товарных руб., вычисляя по бюджетному индексу, пала до 6,6 руб. С 25 руб. до 6,6 руб.! Валюта наша совершенно обесценилась. Наша государственная промышленность разбазаривалась. Крупные заводы занимались производством зажигалок. Вот такова была картина. Все наши противники злорадствовали, говоря, что все это было неизбежно. Вы оказались, мол, к несчастью, хорошими вояками, но вы никуда негодные хозяйственные организаторы. Вы победили военно-политически, обманув рабочие массы своими демагогическими лозунгами, но вы обанкротились хозяйственно и не могли не обанкротиться, потому что социализм в отсталой России — вздор. Так говорили социал-демократы, меньшевики, социалисты-революционеры, кадеты и проч. У вас — не власть пролетариата, а власть черни.

Через некоторое время, однако, наше хозяйство стало подниматься. Даже слепые, даже глухие, даже неособенно умные стали замечать, что по всему фронту идет улучшение

советского хозяйства. Тогда начался обстрел с новых позиций. Да, хозяйство, мол, у вас развивается, но оно развивается не благодаря вам, а вопреки вам. Развивается не государственная промышленность, которую разбазаривают, а развивается частный капитал. Развивается не ваше коллективное хозяйство в деревне, а более зажиточные слои. Под вашей социалистической коркой, которая есть тюрьма для хозяйства, пробиваются молодые ростки капитализма, которые взойдут пышными всходами, и новая буржуазия соберет обильную жатву. А вы, милые друзья, либо слетите под напором этих новых хозяев, либо вы оставите свои красные колпаки и платочки и прочие аксессуары, свои ЦИК, ВЦИК и т. п. и будете по сути дела делать буржуазное дело. Так твердят и твердили стоящие против нас по другую сторону баррикад. Наши открытые враги заявляют: «Так должно было случиться, потому что социализм, это— утопия, это—кабинетная доктрина, а реальность, это — капитализм, который есть лучшая форма хозяйства, который есть, таким будет и пребудет во веки веков, от которого не убежишь и никакими лозунгами и заклинаниями не спасешься». Социал-демократия говорит: «Конечно, социализм сам по себе есть хорошая вещь, но в отсталой стране, это — утопия, а если вы хотели изнасиловать

действительность и надеть социалистические колпаки в стране, в которой нет условий для развития социализма, то на самом деле вы были только тормозом, реакционным фактором. Если теперь в России развивается капитализм, то это есть прогрессивное явление. Права буржуазия, что развивается не национализованная промышленность, а частный капитал, что для национализованной промышленности нет перспектив. Перспективы есть у капитала, ибо сбудется «реченное в писании», что нельзя в такой отсталой стране, где такое преобладание крестьянства, где мало пролетариата, где такая техническая отсталость, нельзя строить социализм, и тот, кто поднял в такой стране знамя строительства социализма, в конце концов направляет его против социализма. Так говорила нам буржуазия, так говорила нам социал-демократия, так говорят нам идеологи нашей сменовеховской буржуазии, так говорят меньшевики и почти говорят некоторые из наших оппозиционных друзей. (Смех, аплодисменты). Вот из этого самого и вытекают замечательные разговоры, которые сейчас распустились пышным букетом, разговоры относительно «термидора».

Прежде всего нужно вспомнить некоторые исторические даты относительно термидора. Первым, кто пустил в оборот, если не ошиба-

юсь, первым, кто заговорил насчет термидора, был вождь меньшевиков Мартов (в статье в «Социалистическом Вестнике»). Он заговорил о термидоре непосредственно после того, как под руководством Ленина наш партийный с'езд принял основу так называемой новой экономической политики. Мартов тогда заявил: «Вот видите, вы, большевики, хотели осуществить социализм, вы уничтожили свободу торговли, вы ловили каждую торговку за фалды, — этот номер у вас не прошел, а теперь сами говорите, что делаете уступки мужику. Вы капитулировали экономически. Вы будете говорить, что продолжаете пролетарскую линию коммунизма, а на самом деле мелкий собственник — крестьянин стоит за вашей спиной и диктует вам свою волю. Если раньше можно было думать, что вы выражаете волю пролетариата, то теперь всякий видит, что вы отражаете волю мелкого собственника, который хочет торговать». Поэтому Мартов, обращаясь к Ленину, писал, что вы, мол, переживаете свое девятое капиталистическое термидора, вы капитулировали, так шагайте же смелее к своему социалистическому «18 брюмера». Это значит в переводе с французского языка: выступайте смелее в роли Наполеона Бонапарта. Как во Французской революции после падения диктатуры революционной мелкой буржуазии, после

казни ее вождя Робеспьера, через ряд различных событий фактическим диктатором сделался Наполеон Бонапарт и на место мелкобуржуазной диктатуры стала откровенно победоносная диктатура крупной буржуазии, — так же точно Мартов рассматривал наш поворот к новой экономической политике. В 1921 г. совершилось, дескать, отступление от пролетарской линии, которая до этого времени все же у большевиков в известной степени была, отступление на другую классовую позицию. Большевики перешли с позиций диктатуры рабочего класса на позиции мелкого крестьянского собственника, неизбежно выступающего против пролетариата. Еще шаг, еще два — и большевики станут отражать волю крупной буржуазии. Все это завершится установлением власти диктатора Наполеона, имя которому — Владимир Ильич Ленин. Вот как было сказано. Здесь были все концы с концами связаны: перерождение вытекало из того, что в такой отсталой стране, как наша, нельзя строить социализм, из этого вытекают необходимость уступок крестьянству и перерождение. Мартов это провозгласил. Затем наши сменовеховцы, откровенные идеологи буржуазии в роде профессора Устрялова, точно так же в одном хоре с меньшевиками заговорили о термидоре: «Ленин — великий поли-

тик и в то же время великий революционер. Он, Ленин, понимает куда растет страна, и только для виду говорит о социализме и интернационализме. Ленин ничуть не хуже Дмитрия Донского, он так же славен, как Петр Великий, он понимает, что никакого коммунизма не выходит, что международная революция задержалась и нужно строить крепкое Российское государство. Сегодня мужичку уступили, свободную торговлю об'явили, завтра будем денационализировать промышленность» и т. д. После того, как мы об'явили свободную торговлю, мы возвратим назад капиталистам фабрики и заводы, а после пустим землю в куплю и продажу. Помещиков мы смели, старый хлам самодержания уничтожили, пропели дряблому нашему дворянству «со святыми упокой» (пускай оно и пропадает). Но недаром же мы узаконили новую буржуазию, прошедшую сквозь огонь и воду и медные трубы, научившуюся, где нужно, сорвать, где нужно, смошенничать, где нужно, обворовать. Новый буржуй прошел сквозь огонь и воду, он стал более энергичным. Он хоть и чумазый, но пройдет год — два, он и вымоется, и причешется, и бороду обстрижет, и усы нафабрит, пожалуй, даже фрак заведет, — вот на него-то мы и должны ориентироваться. Ленин ведет новую буржуазию к власти. Пролетариат сделал свое де-

ло, — честь ему и слава; он сделал очень хорошее, всемирное историческое дело, спасши страну «от дванадесяти язык», он сделал свое великое дело, укрепивши «государство Российское», он сделал великое дело, собрав разбитую на части Колчаками, Деникиными, Врангелями «великую страну». Вот как сменовеховцы представляли дело. Что было в основе этих рассуждений? В основе было убеждение, что никакой социализм у нас невозможен, что все это ерунда, и что мы, коммунисты, и советская власть, наш кадровый состав, вышедший из рабочего класса, в конце-концов пойдем по намеченному устряловцами пути.

Нас, однако, этот буржуазный «дьявол-искуситель», этот Устрялов, ничем не совратил с пролетарского пути, но что часть товарищей он смутил, — это факт. Оппозиционные товарищи оказались в положении прекрасной Евы, которая в раю отведала яблока устряловского змея-искусителя. (Смех). Факт остается фактом, что ряд товарищей, у которых имеются сомнения, говорят устряловским языком. Это делается понятным, если вспомнить некоторые их ошибки в Октябре. Если международная революция как победоносная еще не приходит, победы пролетариата в соседних странах еще нет, если мы сейчас идем не в упряжке международной револю-

ции, а корешником, если мы социализм строим только в одной нашей стране и к тому же в стране «дрянненькой» и отсталой, если еще в самом начале нашей революции у них были сомнения на тот счет, можно ли в ней начинать революцию, если в течение 10 лет нет победы пролетариата ни в одной из соседних крупных капиталистических стран, — тогда неизбежно, по их мнению, у рабочего класса нашей страны нехватит сил, чтобы довести дело социализма до конца. Если бы действительно было так, что национализированную промышленность мы разбазарили и отдали ее отдельным капиталистам, тогда — другое дело. Но ведь национализированная промышленность нами не раздавалась, она идет вперед, она поднимается, социалистический сектор нашего хозяйства, т.-е., крупная промышленность и кооперация, вытесняют частника, и этот процесс идет довольно быстро, — когда мы на это указываем, тогда маловеры начинают ломать голову над тем, как бы сделать так, чтобы то, что есть, об'явить несуществующим. Это очень трудная задача, и здесь им приходится строить всякие невероятные теории. Соглашаясь с тем, что национализированная промышленность существует и что она в последнее время растет, под обстрел берут тот факт, что промышленность растет быстрее, чем сельское хозяйство, при чем

приводится опровержение очень интересного свойства. Одно из таких опровержений представил тов. Колесников. Он рассуждает следующим образом: наша промышленность растет быстрее, чем наше сельское хозяйство, но что тут удивительного? Ведь и до войны она росла быстрее, чем сельское хозяйство. Она упала к концу гражданской войны больше в сравнении с довоенным уровнем, чем сельское хозяйство. Но и до войны промышленность росла быстрее, чем сельское хозяйство, значит и сейчас она должна была бы восстановиться в довоенной пропорции и, следовательно, должна была расти быстрее, чем сельское хозяйство. Но тогда мы можем спросить: почему обязательно так **должно** было быть? Разве не может быть такого случая, когда какая-нибудь страна идет вспять, когда она аграризуется, когда из страны промышленной она превращается в страну аграрную. Какой бог, устряловский, меньшевистский или еще какой-нибудь, предрешил, что если до войны было известное соотношение, оно должно остаться таким же через несколько лет? Почему не может быть упадка, регресса, когда данная страна упала на несколько ступеней вниз и так в таком положении остается? Приведенное выше возражение есть софизм номер первый.

Софизм номер второй: хорошо, говорят нам, у вас есть государственная промышлен-

ность и проч., она растет, развивается; пожалуй, с этим можно согласиться. Но непонятно, почему вы эту промышленность называете социалистической. Правда, Ленин говорил о наших предприятиях, как о предприятиях последовательно-социалистического типа», но это нужно понимать условно, ибо не нужно забывать, что эта промышленность работает на рынок, а на рынке действующими лицами являются не только пролетариат, но и другие классы населения, между которыми распределяются произведенные продукты и т. д. И еще, напр., один довод: рабочим становится тяжелее, безработных у нас много и т. д. Один из товарищей, все тот же Колесников, говорит: Маркс, небезызвестный в истории социалистического движения, в томе I своей книги писал о так называемом всеобщем законе капиталистического накопления, что когда идет вперед развитие капитализма и совершается процесс капиталистического накопления, выжимания прибавочной стоимости из рабочего класса, превращение ее в новые машины и орудия производства, то результатом бывает безработица в определенные периоды, резервная промышленная армия. И все развитие капитализма заключается в том, что на одном полюсе идет рост богатства, а на другом вырастает нищета, варварство, резервная армия. В этом выражается закон капиталистического накопления.

Это положение Маркса общеизвестно. Но посмотрим, как истолковывает его Колесников. Он нам говорит: у вас есть безработица? — есть. Росла она? — росла. А что Маркс писал про безработицу? Он писал, что безработица—выражение всеобщего закона капиталистического накопления. Значит, если вы желаете знать, идете ли вы к социализму или нет, то именно по этой мерке нужно мерить. Если у вас много безработных (а этого отрицать нельзя), значит—у вас действует всеобщий закон капиталистического накопления,— говорят нам,—если так, то курс у вас выходит (как вы ни толкуйте о социалистической промышленности) совсем капиталистический.

Это тоже один из софизмов, но равного ему по... (как бы сказать мягче) по глупости (это еще очень мягко сказано) я еще в жизни не встречал. Разве можно такую чушь несусветную говорить? Нужно смотреть, откуда наша безработица. Маркс писал, что капиталисты создают резервную армию безработных для давления на заработную плату рабочих и увеличения прибыли. Вот в чем сущность. А у нас? Представьте себе, что у нас была бы на все 100 проц. социалистическая страна и эта страна подверглась нападению других капиталистических стран; в итоге в социалистической стране оказалась бы страшная разоренность и нищета, масса раненых, нетрудоспособных и проч., а потом

нашлись бы люди, которые сказали бы: нищета, как говорит Маркс, есть продукт капитализма, посмотрите, что у вас делается,— значит, у вас капиталистический режим.

Так рассуждать нельзя. Наша безработица есть одна из великих наших бед, но эта беда появилась не потому, что у нас промышленность не социалистическая, а потому, во-первых, что мы строили действительно на очень тонкой базе, что мы не можем сразу подняться и излечить все язвы, которые были при старом строе, потому что наша страна, как я это уже иллюстрировал в цифрах, пережила невероятно глубокое экономическое падение в результате империалистической и гражданской войн, разрухи и голода. Это нужно принять во внимание. Безработица растет у нас еще потому, что наше крестьянство, в частности, обиралось при предшествующих режимах совершенно нещадно и крестьянское хозяйство стояло поэтому на исключительно низком техническом уровне, оно было вдобавок разорено империалистической и гражданской войнами. Разве все это можно скидывать со счетов? Разве можно ставить знак равенства между всеми этими причинами и теми дурацкими указаниями на «всеобщий закон капиталистического накопления», которыми хочет нас «убить» т. Колесников?

Я привожу эти примеры для того, чтобы показать, как люди, которые заранее поставили себе положение о том, что дело у нас обречено на неудачу, как они всеми способами,—если не одним переулочком, так другим, не по одному каналу, так по другому, не одними, так другими аргументами,—стараются исказить действительность, пойти против нее. Конечно, мы должны проверить, что у нас происходит, мы не можем играть вслепую, мы никоим образом не будем отказываться от того, чтобы посмотреть правде в глаза, не для того, чтобы получить премию на небесах, а потому, что знать правду нужно, знать нужно для того, чтобы правильно действовать.

IV. Главные итоги десятилетия в цифрах.

Что мы имеем после введения новой экономической политики? Я прочту основные цифры. В **1921 — 22 году валовая** продажная цена промышленных товаров в миллионах рублей по довоенному составляла **1 миллиард 344 миллиона, в 1922 — 23 г.** — 2.156 миллионов, в 1923 — 24 году — 2.583 миллиона, в 1924 — 25 г. — 3.917 миллионов, в 1925 — 26 г. — 5.731 миллион и в 1926 — 27 г. — 6.637 миллионов. Разве мы сдаем свои позиции? Разве наша промышленность идет на-

зад? Ничего подобного. Мы систематически **идем вперед.**

Прокат металлов (в тысячах тонн): в 1921—22 г. — 256, в 1922—23 г. — 476, в 1923—24 г. — 690, в 1924—25 г. — 1.390, в 1925—26 г. — 2.250, в 1926—27 г. — 2.592. Мы и тут идем вперед.

Выработка на одного рабочего (в рублях по довоенным ценам): в 1921—22 г. — 1.081, в 1922—23 г. — 1.292, в следующем году — 1.507, дальше — 2.013, затем — 2.279 и наконец — 2.495.

Число рабочих в цензовой промышленности (в тысячах): в 1921—22 г. — 1.243, в 1922—23 г. — 1.455, в 1923—24 г. — 1.617, затем—1.794, дальше—2.288 и в 1926—27 г. — 2.488.

Таким образом, мы и здесь имеем непрерывный рост.

Средняя зарплата в товарных рублях — в 1921—22 г. — 8,84, дальше — 13,54, в следующем — 18,48, в следующем — 22,72, затем—25,44 и наконец—28,82—в 1926—1927 г.

Этих данных достаточно, кажется, для того, чтобы убедиться, что мы идем вперед. Этого оспаривать нельзя, так как это — факт, твердо установленный. Против нас выставляют тезис, будто мы растем в промышленности медленнее, чем в сельском хозяйстве. Однако, если привести только главные цифры, то мы увидим, что за последние три года

основной капитал в промышленности к концу 1926—27 г. увеличился на 28 проц., в то время, как основные фонды в сельском хозяйстве возросли на 10 проц., т.-е. промышленность по своему основному капиталу выросла в этом году **в два раза больше,** чем сельское хозяйство.

Почему нам важно это знать? Да потому, что вся установка сомневающихся, открытых наших противников и полудрузей заключается в том, чтобы сказать: «Ну да, вы ползете кое-как на карачках по промышленной линии, а мелкособственническое хозяйство развивается быстрее! Вы сами говорите, что индустрия и рабочий класс есть главное, решающее, есть командная высота, есть база социализма; промышленность должна вести за собой сельское хозяйство, а она растет медленнее, чем сельское хозяйство». Но факты говорят **противное,** факты говорят, что и по продукции, и по основному капиталу, и по своему удельному весу индустрия растет быстрее, чем сельское хозяйство.

Особенно большое значение имеют наши успехи, правда, не грандиозные, но все же значительные, в таких отраслях, которые были в загоне в довоенное время, — в электрификации. Электрификация — это есть база нашего социалистического строительства. План электрификации Ленина есть тот план, за который мы дрались, будем драться и ко-

торый доведем до конца. В 1925 году мощность наших электростанций (в тысячах киловатт) равнялась 1.349, в 1926г. — 1.440, в 1927 г. — 1.690 и в 1928 г. предполагается 2.130.

Годичный отпуск электрической энергии с крупных станций (в тысячах киловатт-час.) дает следующую картину: в 1913 г. — 431, а 1927 г. — 1.900, т.-е. в **5 раз больше, чем в довоенное время.** Это важнейший факт. Мы владеем в 5 раз большим количеством энергии в сравнении с довоенным временем. Число установок в деревне сравнительно с довоенным уровнем возрасло в 11 раз, мощность этих установок — в 17 раз, абсолютное число их 858.

Количество электрофицированных крестьянских дворов, правда, невелико — 98.000, но в довоенное время никакой электрификации в деревне **не было;** были маленькие местные установки, которые обслуживали помещичьи имения и хозяйства.

Число рабочих с 1921 — 22 г. увеличилось в 2 раза и составляет 106,5 проц. числа рабочих до войны.

Как можно против этих фактов и этих цифр спорить? Всякая попытка сделать это сводится к фокусничанью, как мы видели уже на примере с Колесниковым. Но с фокусами большой политики не сделаешь. Факты, ко-

торые я привел, ощущаются каждым рабочим, хотя он при этом отлично знает, что эти достижения, по сравнению с гигантскими задачами, стоящими перед нами, — только первые шаги.

У меня есть некоторые сводные данные о сравнительном темпе нашего хозяйственного развития. Промышленность наша развивается, это бесспорно. Но развивается ли она быстрее, чем частный капитал, развивается ли наша торговля быстрее, чем частная? Частная торговля, частные магазины и ларьки и их оборот тоже растут. Кто же растет быстрее? Я приведу данные, не оставляющие сомнения в том, что мы развиваемся быстрее, что мы бьем своего противника.

Если мы сравним процентное соотношение валовой продукции государственной и кооперативной промышленности (включая и мелкую) с валовой продукцией частной промышленности, то увидим, что в 1924—25 г. валовая продукция, находившаяся в наших руках, измерялась в **31,3 проц.**, в 1925—26 г. — **83,7 проц.** и в 1926—27 г. — **85,9 проц.** Если наш процент увеличивается, то процент противника все время падает: 81— у нас, у него—19; 83,7—у нас, значит, 16,3— у него; 85,9—у нас, 14,1 — у него. На будущий год у нас будет 87,3 проц., а у него — 12,7 проц.

Если возьмем только государственную цензовую промышленность, то соответствующие цифры такие: в 1924 — 25 г. — 95,8 проц., в 1925 — 26 г. — 95,8 проц., в 1926 — 27 г. — 97.5 проц. и в 1927 — 28 г. — 97,8 проц.

Значит, мы имеем непрерывное увеличение того, что находится у нас в руках, не только в том смысле, что у нас больше фабрик на будущий год, чем сегодня, а в том смысле, что наша доля продукции, по сравнению с долей частного капитала, увеличивается, и мы растем и он растет, но мы растем быстрее его.

В области товарооборота мы в начале новой экономической политики имели «бублик с дыркой»; нас обманывали и разворовывали со всех сторон. Теперь каждый год дает увеличение нашей доли в товарообороте: 1925—26 г. дает плюс 68 проц., 1926 — 27 г. — 32 проц. и 1927 — 28 г. — 19 проц. Каждый год дает увеличение. У частного торговца в 1925 — 26 г. было увеличение на 44 проц. против наших 68. На 1926 — 27 г. у нас увеличение на 32 проц. слишком, у частника уменьшение почти на 10 проц., потому что мы по всем линиям нажали на частного торговца. На будущий год намечено увеличение нашей доли в товарообороте на 19,8 проц.

После всех этих данных против нас могут выставить еще следующий аргумент. Можно сказать: ну, хорошо, вы частника выте-

сняете, — может быть, это так: промышленность не развалилась, но ползете вы очень медленно, и в этом ваша гибель.

Вначале мы ползли действительно очень медленно. В 1920 и 1921 гг. мы иногда не только медленно ползли вперед, но очень часто ползли назад. А сейчас дело обстоит таким образом, что темп развития нашей индустрии превышает темп развития промышленности Америки и бывшей царской России в периоды их промышленного расцвета. При чем для царской России характерно было то, что быстрый темп развития промышленности базировался на ввозе огромных капиталов извне, из-за границы, в виде займов, консорциумов и т. п. Мы строим промышленность без иностранной помощи, мы в конфликте с международным капиталистическим хозяйством, мы были в очень тяжелой обстановке разорения, из которой вылезаем, и даем в последние годы темп, который превышает рекордные цифры промышленного развития. Это есть важнейший исторический факт.

В процессе нашего социалистического строительства, товарищи, мы наталкиваемся на большие трудности, нередко спотыкаемся, делаем ошибки, обнаруживаем много недостатков, допускаем ряд извращений.

У нас много плохого, есть еще масса неслыханных мерзостей и язв в нашем организме.

Это не подлежит никакому сомнению, но глубоко неправы те товарищи, которые заявляют, что не дело большевиков рассматривать свои достижения, а дело большевиков только смотреть на свои недостатки. Ну, это, знаете, как когда. Если, например, к нам приходит социал-демократический рабочий или несознательный рабочий, который «за деревьями не видит леса», который за частными недостатками просматривает наши крупнейшие достижения, а мы ему ничего не скажем ни о социалистической индустрии, ни относительно того, как мы вылазим из нищеты, если мы не скажем ему, что у нас рабочий стоит у власти, если мы ни о чем этом не будем говорить, а будем говорить лишь о беспризорных или только о «наших» взяточниках, и только о наших язвах и проч., и только об этом, — то мы нарисуем ему такую искаженную картинку, что он просто убежит от нас. Но это было бы в высокой степени глупо. Надо знать во всем меру и надо уметь брать все в правильных соотношениях. Представьте себе, что вы работаете в ГПУ, где вам не рассказывают о том, что там-то и там-то рабочие торжественно встречают своих коммунистических вождей, что там-то и там-то растет пролетарская организованность, а куда приходят только со сведениями о том, что там-то сорганизовалась контрреволюционная группа, там-то какие-то негодяи хотели под-

жечь фабрику, и т. д.: главным образом, такие сведения получают работники ГПУ. Если бы рассуждать по указанному выше «рецепту», то можно было бы «обобщить» эти сведения примерно следующим образом: «Вот какова Советская Россия, вот что у вас делается, кругом все плохо». Конечно, это была бы картина, отображающая известные факты, но эта картина отличалась бы тем, что она брала бы только одну сторону дела, а не брала всего, о чем надо рассказать. Тут надо «всякому сверчку свой шесток» найти. Вот у нас есть такие-то плохие стороны, — верно; но для выявления действительного положения вещей я должен брать не только плохие стороны, но говорить и о хороших. Посмотрите, как «изображают» нашу действительность враги революции.—Они берут все плохое, это плохое «раздувают», и только об этом и рассказывают. Не так давно, года два назад, один из американских наших противников взял да и сделал выборку из наших собственных газет, в том числе из «Экономической Жизни»; он выбрал случаи растрат, взяточничества, хищений в кооперации, профсоюзах и проч., сделал из этих выборок сводку, ничего другого не взял, напечатал эти сводки в виде книги и распространил ее. Какой вывод можно было сделать из этой книги? Да только один — тот вывод, что у нас страна сумасшествия, страна жуликов, разбойников

и т. д. Но это «немножко» неправильно, говоря по чести. (Смех). Если мы выставим такое положение, что к 10-летней годовщине Октябрьской революции мы должны говорить только о плохом, а обо всем хорошем позабыть, то это будет не особенно умно. Мы считаем так, что мы должны подвести **итоги,** т.-е. сказать о том, что у нас есть хорошего, но вместе с тем сказать и о том, что у нас — плохого, отрицательного. И опираясь на то, что мы уже сделали, подбадривая себя достигнутым и учитывая свои собственные силы, мы со всей энергией будем бороться с тем врагом, который еще перед нами стоит, будем преодолевать всякие барьеры, которые еще имеются на нашем пути. Разве это не так? Разве это не единственно правильная постановка вопроса? Конечно, она единственно правильная, она единственно целесообразная, она единственно большевистская.

Несколько слов относительно **положения в деревне.** В деревне у нас растут кулаки. Это верно. Но, товарищи, поскольку у нас есть хоть сколько-нибудь вразумительные статистические данные, а мы должны при оценке положения обратиться к этим данным, — то они показывают, что процесс расслоения происходит в советской деревне в высшей степени **своеобразно.** При капиталистическом режиме в деревне крестьянство дифференцировалось, выделяя небольшие

группы кулаков, с одной стороны, бедняков и многочисленные полупролетарские слои — с другой; середняк же вымывался.

Что показывает нам наша статистика относительно теперешних особенностей развития деревни? Обратимся к данным «динамических переписей» (ежегодных переписей одних и тех же селений). Из данных по **потребляющему** району видно, что процент безлошадных хозяйств с 1922 г. по 1925 г. **уменьшается** на **1,6 проц.,** процент высоких групп, с 3 и больше голов скота, увеличивается на 0,2. По **производящему** району процент безлошадных **уменьшается** за то же время на **2,8 проц.,** процент **многолошадных** увеличивается на **0,2 проц.** За 1926 г. сводных данных по району нет, но данные отдельных подрайонов — в общем и целом — обнаруживают ту же тенденцию развития.

По Северному Кавказу — сравнимые данные обнаруживают уменьшение безлошадных с 1925 г. по 1926 г. на **4,7 проц.,** с одновременным увеличением многолошадных на **3,1 проц.** На Украине с 1922 г. по 1925 г. число безлошадных уменьшилось на **1,4 проц.,** в то время как число многолошадных увеличилось на **0,5 проц.;** в Сибири с 1925 по 1926 г. налицо стабильность количества безлошадных при некотором уменьшении количества многолошадных, и т. д.

Таким образом, хотя у нас и происходит совершенно несомненный и довольно отчетливо выраженный процесс расслоения в деревне, рост деревенского капитализма в лице кулацких хозяйств, с одной стороны, и выталкивание из сельского хозяйства вообще, на противоположном полюсе деревни, — с другой, однако, этот процесс расслоения имеет у нас ту характерную особенность, что **средние группы,** в общем и целом, **не вымываются** и не падают в своем экономическом и социальном значении. Часть безлошадных поднимается, хотя и медленно. К этому надо прибавить, что у нас более или менее успешно развивается процесс кооперирования.

Я перехожу теперь к некоторым итогам, к их пояснению, к выяснению трудностей и некоторых стоящих перед нами задач.

V. О некоторых итогах социалистического строительства.

При выяснении итогов нашей хозяйственной политики, мы должны, прежде всего, прямо ответить на очень острый и важный вопрос, который ставился еще Лениным, на вопрос: «Кто кого?» Я бы на этот вопрос ответил таким образом, что сейчас вопрос «кто кого» стоит не так, как он стоял при жизни т. Ленина, потому что, во-первых, в настоящее время **мы наступаем** на против-

ника и, во-вторых, мы наступаем на него с **огромным перевесом сил на нашей стороне.** Какое у нас было положение вещей, когда Владимир Ильич ставил вопрос: «Кто кого?» Как обстояло тогда дело с крупной промышленностью? У нас значилось тогда столько-то фабрик, столько-то заводов, а половина рабочих из них ушла по деревням; другая половина фабриковала зажигалки; крупное производство почти-что стояло. Факт это или не факт? Это факт. У нас были национализированные банки, а что в них было? У нас были миллиарды денег. Каждый из нас был почти «миллиардером» (смех). Каждый из нас несколько десятков и сотен миллионов («лимонов») в карманах носил, а на самом деле цена им была гораздо меньше цены одного лимона. Это вы хорошо помните.

А что было в торговле, когда Владимир Ильич выбросил лозунг: «Учитесь торговать»? Всякий это знает. У нас даже между госорганами ходили частные посредники, зачастую у нас какой-нибудь проходимец-посредник вывозил казенное добро из какого-нибудь главка в одни ворота, а в другие ворота он продавал нам то же добро. Правда или неправда, что мы, как хозяйственники, как торговцы, понимали действительно, как мерин в апельсинах? Правда, абсолютная правда. Тогда было такое положение, что у нас было

юридическое право собственности на средства производства, но производство не было в ходу, а нас облепляла частнопосредническая саранча, которая торговать умела лучше нас, которая нас обворовывала и торговала с мужиком, опираясь на частнособственническую стихию. Тогда вопрос о том, не захлестнет ли нас эта саранча, был вероятнейшей угрозой. Тогда эта стихия, сомкнувшись с частником, могла нас захлеснуть. Тогда перед нами стояло море, а мы были голенькие, под ветром, обстреленные со всех сторон, с пустыми фабриками и заводами, с пустыми магазинами, с пустыми банками. А теперь разве у нас такое положение вещей? Разве теперешнее положение похоже на прежнее? Сейчас фабрики и заводы обросли «плотью и кровью», они на ходу, они поднялись выше довоенного времени. Банки наполнились содержанием, нет «лимонов», а есть твердая валюта. Помните, как было еще 4 года назад, осенью 1923 г., когда мы с нашей валютой дошли до того, что никто ее не брал, мужик оклеивал ею комнаты, как обоями, за нее мы ничего не могли купить. Тогда реальный кусок — картофелина, сапог, калоша — стоил в 10 тысяч раз дороже, чем тысячи и миллиарды этих денег. Теперь мы имеем другое положение вещей: торговать научились, фабрики и заводы укрепились, в торговом и розничном обороте занимаем господствую-

щие позиции; за последние годы частника выжили из целого ряда отраслей, в которых прежде он играл значительную роль. Из хлебо-заготовок мы его выжили, торговля кожей почти целиком у нас и т. д. Мы загоняли его из одной отрасли в другую. Кооперация у нас также приобрела крупнейшее значение. Фабрики, транспорт, кооперация, кредит вместе с банками, денежное обращение, — все у нас. Разве у нас теперь такие взаимоотношения с мелким хозяйством, какие были тогда? Конечно, не такие, и поэтому говорить, что у нас такое же положение вещей и что также стоит вопрос: «Кто кого?», как тогда, — абсолютная бессмыслица. А что говорят наши противники? Наши противники говорят: теперь хуже, чем тогда. А что говорят представители оппозиции в нашей партии, которые склонны были всегда колебаться и теперь колеблются? Они говорят, что раньше была пролетарская диктатура, а теперь «термидор»; раньше дела были хороши, а теперь плохи; раньше нас якобы не так легко было спихнуть мелкому хозяину, теперь гораздо легче. Но это же абсолютный вздор! За последние годы новой экономической политики мы, можно сказать, вступили на некоторую **новую ступень развития,** — когда наша промышленность стала действительным **ведущим началом** всей хозяйственной жизни Союза, и когда мы постепенно на деле приступаем

к тому, чтобы распыленное мелкособственническое крестьянское хозяйство вести по пути электрификации, освобождая крестьянство от того, что Маркс называл «идиотизмом деревенской жизни». В начале военного коммунизма мы вводили систему монополий, в том числе хлебную монополию, не имея силы, чтобы ее хорошо провести. Мы затем отменили продразверстку, а благодаря нашей организации на базе новой экономической политики мы теперь через хлебозаготовительные органы фактически держим в государственных и кооперативных руках всю торговлю, т. е. фактически в **другой форме** осуществили хлебную монополию. А это означает, что мы идем к плановому хозяйству, овладев стихийными законами рынка, благодаря тому, что сделали обходный маневр.

Я спрашиваю: почему могло так случиться, почему так случилось? Я должен буду ответить на это очень кратко. Первой предпосылкой всех успехов является наша социалистическая национализация фабрик, земель, банков и проч. Вторым условием является возможность на базе этого вести плановое хозяйство; правда, не сразу, теперь мы видим, каких ошибок мы наделали и в этой области, теперь мы видим, что план можно ввести не «сбухты-барахты»: жизнь постепенно вносила поправки, и теперь мы подходим к разработке

более или менее реального 5-летнего плана развития нашего хозяйства. Контрольные цифры у нас теперь более реальная величина, чем раньше, и поэтому мы можем, несмотря на многие безобразия, несмотря на волокиту, бюрократизм и т. д., благодаря плановому хозяйству сберечь кое-что; благодаря плановому хозяйству мы более правильно распределяем производительные силы страны; благодаря плановому хозяйству мы направляем больше средств в нашу индустрию, в нашу социалистическую промышленность; благодаря всему этому мы получили преимущество неслыханной концентрации средств производства. Мы настойчиво идем к сплочению всего нашего хозяйства в необычайно мощный хозяйственный кулак, — и этот рост **есть рост социализма.** Это есть наше величайшее преимущество, даже в тот период, когда до социализма в полном об'еме мы еще не доросли. Благодаря такому сплочению нашего хозяйства мы можем **двигаться быстрее** вперед. Наконец, я считаю одной из главнейших особенностей нашего порядка вещей, которую многие не понимает, которая дает нам возможность двигаться быстрее, чем капиталистическим странам, несмотря на то, что абсолютно мы от них отстаем (потому, что и раньше они были более развитыми), принципиально — иное, чем при капитализме, отношение между городом и деревней. Ни

в одной стране нет таких отношений между городом и деревней, как у нас. В любой капиталистической стране индустрия направлена на нужды милитаризма, на обслуживание потребностей господствующего класса, помещиков, капиталистов и проч. Можно сказать, что в условиях капитализма вся индустрия в целом стоит боком или спиной к сельскому хозяйству, и поэтому там не может быть такого быстрого оплодотворения сельского хозяйства индустриальными центрами. У нас же уничтожен класс помещиков, сбит с господствующих позиций класс буржуазии; нашу индустрию мы повернули лицом к деревне и вместе с тем, оплодотворяя эту огромную отрасль хозяйства, мы тем самым ускоряем темп нашего развития. В условиях невероятных трудностей, благодаря тому, что мы — диктатура социалистического пролетариата, мы ведем решительную политику на снижение цен, и как ни высоко стоят у нас цены, но если бы на нашем месте была буржуазия, у которой в руках были бы все национализированные производства, она не смогла бы провести никакого снижения. А мы, несмотря на то, что некоторые из наших «друзей» кричат о том, что мы не имеем достижений, все же ведем с определенными результатами решительную борьбу за снижение цен и в дальнейшем будем ее вести. И, наконец, в нашем хозяйственном строительстве крупней-

шую роль играют **массы**. Вот все **эти особенности: национализация, план, другое соотношение между городом и деревней, снижение цен и непосредственное участие масс, — все это такие особенности нашего строительства, которые дают нам большие преимущества и которые находят свое выражение в нашем быстром росте.**

VI. О трудностях строительного периода.

Переходя к трудностям, я должен отметить, что трудности перед нами грандиозные. Первая трудность в области экономической — это **проблема перенаселения в деревне и безработице в городе.** База этой безработицы заключается не в том, что у нас будто бы действует всеобщий закон капиталистического накопления: это абсолютный вздор. База нашей безработицы заключается в остатках нашей деревенской нищеты, откуда идет эта безработица. На базе всего того, что пережила наша деревня, на базе всего того, что принесла нам хозяйственная разруха, на базе нашей отсталости мы имеем огромное количество лишних рабочих рук в деревне, а следовательно и в городе, потому что лишние рабочие руки из деревень притекают в город и здесь становятся источником длительных затруднений. Расширение нашей промышленности не успевает за ростом безра-

ботицы, идущей из деревни, и здесь нужно совершенно ясно дать себе отчет в том, что без того, чтобы начать лечить безработицу с деревенского конца, мы никогда ее не изживем. Некоторые «экономисты» очень «просто» разрешают эту проблему: они предлагают расширить нашу промышленность настолько, чтобы она поглотила безработных; но даже примерные подсчеты в этой области показали, что тогда «капитал» нужно было бы увеличить в таком размере, что только сумасшедшие могут требовать этого. Нельзя также ликвидировать безработицу путем повышения ставок по социальному страхованию, так как это, помимо специальных трудностей, будет привлекать добавочное количество безработных из деревни в город. С точки зрения безработицы, с точки зрения состава нашего пролетариата, развития нашей индустрии и всего нашего народного хозяйства, необходимо провести целый ряд мероприятий, которые помогли бы удержать людей на земле. Здесь необходимо, если широко ставить вопрос, перейти к системе индустриализации самого сельского хозяйства, к развитию промышленности по обработке сельскохозяйственных продуктов: бэконное, крахмало-паточное, картофельное, маслодельное, по обработке молочных продуктов, сушке овощей и т. д. Вокруг этого необходимо развивать и строить более интенсивные трудоемкие

хозяйства. Не всюду можно вводить трактор. Трактор — орудие, применяемое при зерновых культурах, в первую очередь в экстенсивных хозяйствах. Нужно провести ряд мероприятий по развитию интенсивных культур в виде работ по дренажу, орошению и т. д. По этой линии, по линии индустриализации сельского хозяйства, нужно итти, без этого мы трудностей не преодолеем, а их нужно хотя бы понемножку, но ликвидировать.

Одна из больших трудностей — это недостаток капитала. Нам часто бросают такой упрек, что мы хотим получить недостающий капитал за счет народа. Но ведь никакого другого «счета» нет. Конечно, мы будем обирать кулаков, нэпманов и т. д., но самым главным, можно сказать решающим источником богатства является **труд народа,** и поэтому нужно бросить игру в то, что можно получить огромные суммы неизвестно откуда. Только из своих собственных средств, из труда народа, из труда рабочих и крестьян мы можем получить наш капитал. Только так может быть решен вопрос, и совершенно естественно, что недостача капитала, которая чувствуется нами, может быть покрыта только таким путем, если не говорить о возможных иностранных получках. Мы должны принимать меры к развитию производства и поднятию производительных сил .

Огромные внешние затруднения сводятся

не только к тому, что мы подвергаемся опасности нападения, но эти затруднения имеют еще и крупное хозяйственное значение. Сейчас, например, в целом ряде мелких и крупных городов нет крупы, муки, сахара и ряда других предметов. Почему у нас сейчас специфический товарный голод? Да потому, что возник чрезвычайный спрос в связи со слухами о военной опасности; вот и стали запасать все что можно и тащить в сундуки, закрома, начиная с сухарей и муки и кончая другими благами. **Добавочный спрос** значительно развился, и от этого возникли затруднения, затруднения не только видимые, но и более широкого масштаба, не только в том смысле, что нет предметов первой необходимости в городе и даже в деревне, но и другие.

Например, мы хотели экспортировать столько-то пудов пшеницы, но внутреннее потребление в связи с экстраординарными закупками с'ело часть этой пшеницы. Значит мы вывозим меньше, значит ввезем меньше, значит мы должны немного пересмотреть экспортный и импортный планы, а поэтому колеблется производственная программа и т. д. Следовательно, получается так, что затруднения «военного порядка» сейчас же сказываются и на хозяйстве (валюта, заказы и т. д.). Сейчас, например, немцы, которые не так давно давали кредиты, под влиянием на-

жима со стороны Англии всячески тормозят это дело. С Францией, вы сами знаете, как обстоят дела, с Англией тоже. У нас были кое-какие связи с рядом фирм в Австрии. А английские капиталисты пустили по миру несколько фирм за то, что они с нами торговали. Во всяком случае, имеется целый ряд крупнейших затруднений.

Что касается элементарных бытовых условий, то у нас имеются большие затруднения для всего рабочего класса, например, в жилищном вопросе.

Не останавливаясь на трудностях другого порядка, я хочу сейчас остановить ваше внимание на вопросе нашей **общей классовой линии.**

VII. Об усилении нажима на капиталистические элементы.

Я считаю ниже достоинства нашей партии отвечать сейчас на обвинения такого рода, будто бы мы хотим ликвидировать монополию внешней торговли (к таким приемам прибегают только политические жулики), будто Коминтерн хочет отказаться от поддержки китайской революции (так могут говорить только жалкие лгунишки), будто мы хотим попустительствовать кулаку (так могут говорить только политические шарлатаны), будто мы согласны платить военные долги (на это

я уже ответил), — подобные клеветнические обвинения могут бросать только люди, которые превращаются или уже превратились во врагов нашей партии.

Не буду опровергать всех этих глупейших, идиотских, клеветнических обвинений. Но если ставить вопрос серьезно, политически, то перед нами действительно стоит проблема, как **сейчас,** в теперешней обстановке, наша партия, а вместе с нею советская власть, должны вести свою общую классовую политику. Что произошло за последнее время? Вы все отлично знаете, что на XIV конференции и на последнем с'езде нашей партии был намечен крупный маневр в нашей политике в деревне.

Мы освободили от целого ряда пут середняка и в известной степени, идя на уступки середняку, дали возможность «повернуться» кулаку. Не ради кулака, а ради середняка были произведены эти уступки, точно так же, как и в 1921 г. не ради капиталиста, а ради крестьянина была введена свободная торговля, — но она помогла и капиталисту.

Возникает вопрос: изменилось ли что-нибудь со времени XIV с'езда и XIV партконференции и после соответствующих мероприятий, которые были проведены советской властью под руководством нашей партии? Несомненно, изменилось.

Какое было положение? Мы переживали тогда известный кризис отношений между

пролетариатом и толщей крестьянства, т.-е. середняком. Вы отлично знаете, среди крестьянства было довольно большое недовольство пролетарской диктатурой. Вы знаете, что в селе и в деревне была кое-где популярна идея крестьянских союзов. Вот почему кое-где наседали на наши низовые советские органы, убивали рабкоров и селькоров и т. д. Убийства пред. виков, селькоров, бывшие нередким явлением, отражали недовольство со стороны середняцких слоев, сплошь и рядом начинавших итти за кулаком.

Мы проделали большой маневр на XIV с'езде и на XIV партконференции и мы добились определенных — в общем положительных — результатов. Мы совершенно ясно можем сказать, что никогда еще в нашей стране не был так крепок союз пролетарской диктатуры с основной толщей — крестьянином-середняком, как теперь. Должны мы отходить от этого союза и портить отношения с середняком путем ущемления его? **Ни в коем случае.** Нужно середняка поддерживать и не только не упускать его из-под нашего влияния, но, наоборот, всемерно укреплять это влияние. Но именно потому, что мы укрепили союз с середняком, именно потому, что мы сделали большие успехи в кооперации и в процессе обращения, в торговле, в индустрии, именно потому, что мы с середняком связаны более крепкими узами, чем

когда бы то ни было, мы можем **сделать теперь поворот в сторону нажима на кулачество и буржуазные элементы вообще. Это есть тот поворот, к которому мы должны итти и в духе которого мы должны вести подготовительную работу к партийному с'езду.**

Смертельным грехом и преступлением было бы, если бы мы нарушили союз с середняком или поколебали его. Мы знаем, что в прошлом в партии было течение, которое недооценивало середняка. Мы это течение преодолели. Мы сохранили и укрепили наш союз с середняком именно потому, что наша хозяйственная база возросла, что наш Союз упрочился. Мы теперь имеем **больше хозяйственных возможностей,** мы сейчас **политически крепче,** и можем повести поэтому более систематическое и энергичное наступление на капиталистические элементы, в первую очередь на кулачество. Этот маневр, это усиленное наступление мы должны вести, соразмеряя каждый свой шаг, не предаваясь истерике, а твердо, уверенно и властно. Мы можем осуществить этот маневр, усилить это наступление именно потому, что за последние годы целиком оправдалась линия, намеченная XIV партконференцией и XIV с'ездом, потому, что проведение этой линии **усилило наш союз с середняком и укрепило позиции пролетариата в деревне.** Одно звено нашей политики связано с другим. **Теперь,** **вместе**

с середняком, опираясь на бедноту, на возросшие хозяйственные и политические силы нашего Союза и нашей партии, можно и нужно перейти к более форсированному наступлению на капиталистические элементы, в первую очередь на кулачество.

VIII. О подготовке перехода на 7-часовой рабочий день, о рационализации и дисциплине.

Я хочу еще остановиться на одной проблеме, которая специально, в первую очередь касается рабочего класса. Нам совершенно ясна картина классовой стратегии и классовой тактики на ближайший отрезок времени, ясна общая классовая тактика и стратегия, которые рабочий класс должен иметь по отношению к своему противнику внутри страны. Но это требует совершенно ясной постановки вопроса относительно сплоченности, известной консолидации и перевода на высшую, более культурную ступень нашего собственного класса.

Мы считаем, что пора поставить и проработать вопрос о медленном, но верном переходе **на более короткий рабочий день.** Если в капиталистических странах 8-часовой рабочий день сейчас отменяется, превращается в 9-часовой и в 10-часовой рабочий день даже в Англии, нам нужно подумать относительно уменьшения рабочего дня, конечно, **без всякого уменьшения заработной платы.**

Этот вопрос имеет величайшую важность с разных точек зрения. Его нельзя решить сразу, в этом направлении нам необходимо вести подготовительную работу. Переход на 7-часовой рабочий день будет означать не только создание лучших материально-бытовых условий для занятых в производстве рабочих; при умелом проведении переход на более короткий рабочий день может повести к **большей эффективности труда** и создать известные возможности для уменьшения безработицы.

Такая реформа будет иметь своим следствием еще более сильный рост симпатий к СССР среди западно-европейского рабочего класса.

7-часовой рабочий день выдвинет новые задачи перед профсоюзами и рабочим классом. Мы, товарищи, должны совершенно ясно сознавать, что мы находимся в состоянии соревнования с капиталистическим режимом. В конечном счете кому-нибудь из нас должен быть «каюк» — либо международному капитализму, либо нам.

Мы должны иметь в виду, что нашей задачей является **бóльшая производительность труда,** лучшая постановка производства, развитие производительных сил страны.

Я совершенно прямо и откровенно скажу наше мнение по этому вопросу, что **никакого заигрывания со всяческими настроениями,**

которые **равняются по хвосту** рабочего класса, которые держат курс **на отсталую технику,** на отсталые методы работы, на рабский ее темп, **никакие послабления этому со стороны сознательной части рабочего класса сделаны быть не могут и не должны.** В целом ряде отраслей мы имеем еще **рабский темп работы.** Посмотрите, как у нас красят и ремонтируют дома, начиная от того почтенного дома, в котором мы сидим, как у нас чинят дороги. Посмотрите, как у нас чинят мостовые в Москве, как у нас проводят новые трамвайные линии, как, скажем, трамвайная линия до Серпуховской заставы. Она просуществовала полтора года, а уже вся разбита. И не только здесь, — в целом ряде других отраслей у нас еще рабский темп. Мы должны понимать, что сами мы должны переделывать свою собственную натуру, должны меньше работать по часам, но лучше работать. Нам выгоднее окажется, — лично мое убеждение таково, — что нам выгоднее окажется — меньше работать, но **лучше работать.** Мы должны приучить себя к тому, чтобы самим квалифицировать свой собственный труд. У нас до сих пор есть еще целый ряд «истинно-русских» традиций. У нас есть еще один замечательный тип, тип забулдыг, которые любят друг друга по живоду похлопотать, чайку попить, бутылочку за компанию распить. Одним словом, «хорошие

парни», «идеально-истинные русские люди». Этот «идеал» надо духовно расстрелять. Такие люди не подходят к нашей эпохе. Нам такие люди не подходят, и рабочий класс должен культивировать тип не эдакого замечательного расписного трактирного завсегдатая, а тип совершенно другого человека — мыслящего, работающего точно, быстро, хорошо знающего каждый свой шаг, энергичного, бодрого, здорового духом и телом, энергичного и бодрого в работе. Это **новое,** что нам нужно. Но этого нового нам нужно добиться во что бы то ни стало. Капитализм, скажем, американский, воспитывал своих рабочих так, что он пропускал их через самые варварские методы угнетения, и к 35 годам, при наилучшей технике, рабочий уже выдыхается. Я сам видел своими собственными глазами, как эти люди, когда они едут в трамвае с работы, похожи на идиотов и сидят, жуя резинку. Капитализм по-своему воспитывал рабочую силу, он достиг больших производственных эффектов, возлагая совершенно непосильное бремя и непосильную ношу на рабочий класс. Он достиг этого своими методами, методами кнута и методами длиннейшего рабочего дня. Мы такими методами не можем пользоваться. Мы должны действовать другими методами. Мы должны пойти по пути рационализации нашего производства, на базе уменьшения рабочего дня. Но это

должно иметь своей предпосылкой решительный переход рабочего класса, наших профсоюзов в первую очередь, к осуществлению лучшей организации труда, лучшей организации трудовой дисциплины, более сознательного отношения к средствам производства и к своей собственной рабочей силе. Я здесь остановился на этом вопросе потому, что он в конце-концов станет перед каждым сознательным рабочим, как **вопрос всех вопросов.** У нас еще **сильна рутина,** есть **боязнь нового,** и очень часто рассуждают так: лучше делать все по-старому, зачем своего товарища обижать, указывая на его лень и т. д. Это все есть хвост, старье, гниль, с которой надо поскорее разделаться. Здесь же надо снова подчеркнуть другую сторону дела. Другой стороной этого дела должно быть возрастание нашей сплоченности, организованности, трудовой дружности.

Далее мы должны с вами также добиться целого ряда улучшений в отношении к трудящемуся крестьянству, в первую очередь его бедняцкой части.

Я подхожу к самому концу своего доклада.

IX. Заключение.

Мы поставили перед собой труднейшую задачу подготовки и обеспечения победы международной революции. Неверно говорить и

думать, что строительство социализма в нашей стране, — это какая-то «национальная» задача. Мы так никогда не думали и так вопроса не ставили. Мы рассматривали себя и будем рассматривать как часть международной революции. Мы еще докажем более крупными победами, чем та, которая была одержана в октябре 1917 года, что наше революционное дело есть дело международной революции. Мы поставили своей задачей преодоление классов. Эту задачу мы только начали решать. Мы добились только первых успехов в этом деле. Мы только начали переделку крестьянства через кооперацию, через Красную армию и т. д.

Мы об'явили лозунг: каждая кухарка должна управлять государством, и подняли огромные пласты пролетариата, в первую очередь, и, отчасти, крестьянства в дело управления страной. Но это еще капля в море по сравнению с тем, что нам надо сделать. Мы уничтожили монополию образования для буржуазии. Но у нас только крупицы рабочего класса прошли через настоящую школу, через высшую школу в особенности. Перед нами в области хозяйства стоит план переквалификации, и даже Волховстрой, и даже Днепрострой, и даже Свирь, если она будет осуществлена, — это будут только маленькие шаги, первые шаги по пути огромного электрификационного строительства. Мы имеем

в своих руках кооперацию. Но мы только-только приступаем к производственному кооперированию крестьян. Мы теперь перешли довоенный уровень и реконструируем нашу промышленность, но мы только начали подводить под нее новую техническую базу. Мы начали и ведем борьбу с бюрократизмом. Мы вовлекли уже широчайшие слои рабочего класса и значительные слои крестьянства в дело управления, но перед нами в этой области еще бездна работы. И в области культуры мы только первые шаги сделали. Много людей узнало то, чего они раньше никогда не знали. Мы уничтожили ограниченность деревенской околицы, мы уничтожили ограниченность фабричных слободок. Горизонт рабочего класса и крестьянства необ'ятно расширился, поднялся по сравнению с тем, что мы имели прежде. Но все это только первые шаги при сопоставлении с теми грандиозными задачами, которые перед нами стоят.

Мы подводим итоги нашего десятилетнего существования, как диктатура рабочего класса, как международные революционеры. Нам нечего стыдиться за свою работу. Мы знаем, что рабочий класс нашей страны будет восхваляем грядущими поколениями, как пионер, застрельщик и первый вершитель судеб международной социалистической революции. Мы знаем, что наше знамя есть и будет знаменем международной революции. И мы

также хорошо знаем, товарищи, что сможем победить и будем достойными тех дел, которые мы свершили в прошлом, если мы будем придерживаться некоторых элементарных и основных **вещей** и предпосылок, которых мы придерживались все время существования нашей партии, все время исторического хода нашей революции.

Эти предпосылки: прежде всего **широчайшая организованность, сплоченность нашего рабочего класса, его профсоюзных организаций, наша опора на бедноту и наш союз с середняком, и руководство им со стороны рабочего класса крестьянством.** Этой предпосылкой является руководство со стороны нашей партии рабочим классом. Следующей и важнейшей предпосылкой является абсолютное единство нашей партии. Вся эта цепь не может быть разорвана никогда.

Мы вам отсюда заявляем, что всякому, кто бы он ни был, кто будет пытаться в каком-либо из звеньев эту цепочку разорвать, либо в отношениях между рабочим классом и крестьянством, либо в отношениях между партией и профсоюзами, либо в отношениях между профсоюзами и широкими массами рабочего класса, либо в каком-либо другом звене, наша партия обязуется давать беспощадный отпор, потому, что, если лопнет какое-нибудь одно из этих звеньев великой цепи, которая обещает нам победу, мы пролетим в трубу.

Мы не пролетим в трубу, потому что силы рабочего класса стали больше, а не меньше, потому что силы рабочего класса на Западе не падают, а стали больше, потому что, несмотря на все разговоры Устрялова и прочих сменовеховских воробьев о том, что у нас «сумерки», у нас не сумерки, а великая строительная социалистическая работа, в которой принимают участие все бо́льшие массы народа, массы, которые видели старый царский режим, которые пережили эпоху гражданской войны, которые под красным знаменем сражались на фронтах. Они видят, что мы вылезаем теперь из самой крупной и казалось бы бездонной пучины, они видят прилив своих сил, несмотря на недостатки и язвы, которые у нас есть. И поэтому рабочие и трудящиеся массы, несмотря ни на что, сплачиваются вокруг своих организаций, поддерживают нашу партию, так же бесстрашно стоящую на своем посту, как и прежде. Рабочие и трудящиеся за нашу партию, как партию нашего, так и международного пролетариата, как партию международного мятежа и международного переворота, за который она будет биться до последней капли крови, которая у нее есть. (Продолжительные аплодисменты).

С.С.С.Р.
ИНСТИТУТ

БИБЛИОТЕКА

„НИЖЕГОРОДСКОЙ КОММУНЫ“

ЗНАКОМИТ ЧИТАТЕЛЯ
С ЛУЧШИМИ ОБРАЗЦАМИ
ИНОСТРАННОЙ И СОВЕТ-
СКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ

М. Горький

Заметки из дневника

1927

н-новгород

Н И

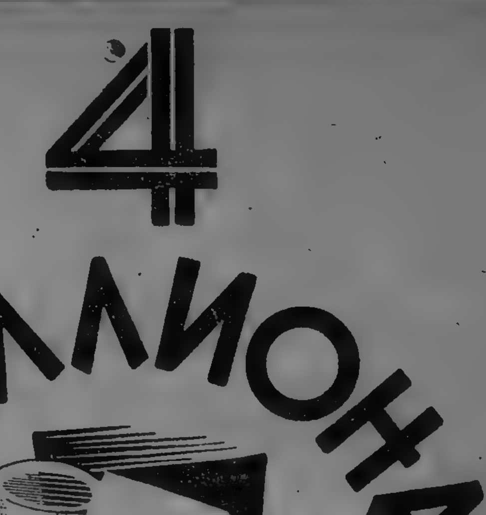

АНРИ
БАРБЮС

ЗЛЮЧКА ЛУНА

НИ

ЭРВИН
КОББ

4 МИЛЛИОНА

И ПАРА НАРУЧНИКОВ

1927

Н И

28697

